Дамаскин №3 (8) /сентябрь 2008/
Студенческий православный журнал
Нижегородской Духовной семинарии

Журнал издаётся по благословению Высокопреосвященнейшего Георгия, архиепископа Нижегородского и Арзамасского

Учредитель
Нижегородская Духовная семинария

Главный редактор
протоиерей Александр Мякинин

Заместитель главного редактора
священник Василий Спирин

Редакционный совет
священник Максим Антоненко
А. В. Дьяконов
доцент Е. В. Плисов
священник Сергий Ларюшкин
Роман Собко

Вёрстка
Виктор Кочнев

Редактор-корректор
Ольга Куранова

Фото
священник Сергий Ларюшкин
Георгий Ликин
Михаил Павлов
Борис Поваров
Борис Николаев
Игорь Ляшков

Адрес редакции
603001, Нижний Новгород,
Похвалинский съезд, д. 5
Нижегородская Духовная семинария
Тел.: (831) 430-50-64
E-mail: seminary.nn@rambler.ru

Свидетельство о регистрации
ПИ № ТУ 52-0009

Тираж 2000 экз.

Печать
Типография «Ридо»

Слово главного редактора

Каждый внимающий словам Евангелия слышит призыв Христа о верности в малом как условии дарования свыше благ духовных. В истинности этого утверждения можно убедиться и в рамках обычного житейского опыта. Верность Отечеству способен явить тот, кто с детства научился быть верным в дружбе, в любви, в браке. Слово *верность* является однокоренным со словом *вера*, и это не случайно. Подлинно верующий человек имеет и разумную мотивацию, и сильное сердечное чувство для стояния в верности, проявляющейся как в малых поступках, так и в великих деяниях, где самопожертвование и подвиг становятся для него естественными плодами истиной веры.

Проректор по учебной работе
Нижегородской Духовной семинарии,
доцент, протоиерей Александр Мякинин

Верность Богу

и служение Отечеству

Большинство молодых людей, приближаясь к 18-летнему возрасту, определяют своё отношение к предстоящей воинской службе.

Среди тех, кто идёт в армию по призыву, далеко не все делают это с горячим желанием и ожиданием новой интересной жизни. Но в той или иной мере осознание долга перед Родиной, намерение утвердить своё мужское достоинство и возможность через преодоление суровых испытаний приобрести ценный житейский опыт влияют на их положительное решение в отношении армейского вопроса. Таковые, как правило, считают для себя унизительным скрываться от военкомата, откупаться или измышлять несуществующие болезни для получения «законной» отсрочки, поэтому, не взирая на грядущие сложности, тяготы и даже возможные опасности, они идут и выполняют свой воинский долг.

Некоторые, наоборот, испытывают панический ужас при слове «призыв» и полагают, что достойным ответом на него должно быть слово «отмазка». В их глазах только лишившийся ума может согласиться служить при возможности «откосить».

Другие юноши находят иное объяснение своему нежеланию идти в армию. Они говорят: «Я бы согласился послужить, если бы армия была другой, если бы в ней не было жестокости, насилия, муштры, унижений и прочих негативных явлений».

Наконец, находятся и такие, кто объясняет свой категорический отказ от срочной службы возможностью принести больше пользы стране в другом качестве.

Церковь, как известно, воинский долг всегда считала священным, и немало подвизавшихся в ратном деле причислила к лику святых. Об этом свидетельствует церковная история, отчасти определяя и церковную современность.

В семинарии учатся молодые люди призывного возраста, среди них есть студенты, у кого армия уже за плечами, а в армии есть солдаты, у которых за плечами семинария.

Мы решили поговорить на армейскую тему с отслужившими, служащими и готовящимися к солдатской службе семинаристами и попытаться выяснить их мнения о службе в рядах Российской Армии.

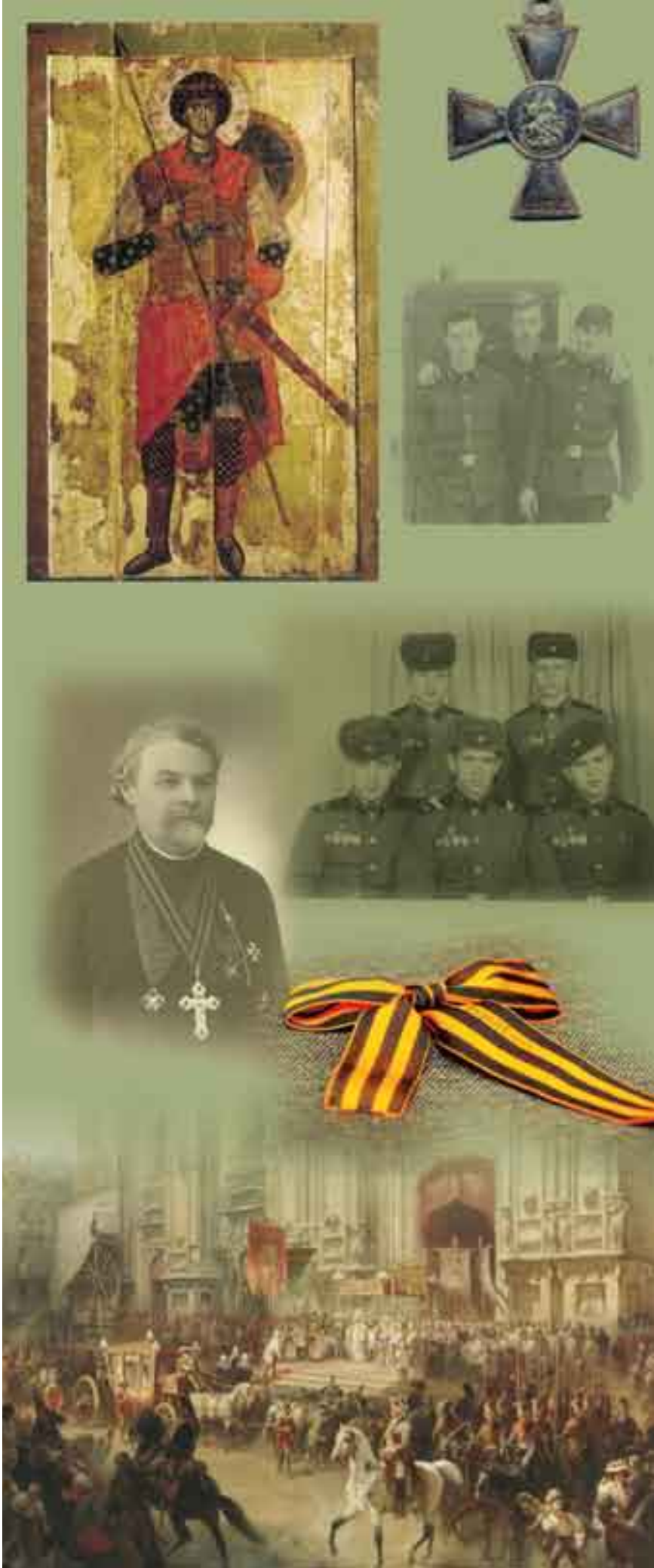
В армию — не изменяя Христу

После семинарии я пошёл преподавать Основы Православия в школу, в десятые и одиннадцатые классы. Оказалось, что моего опыта не вполне достаточно, чтобы работать со старшеклассниками. Для такой работы необходим авторитет, основанный на жизненном опыте, которым я сам ещё не обладал. Это стало одной из причин, почему я добровольно попросился служить в армии. Мне было необходимо приобрести эти жизненные навыки. Кроме того, мои братья — военные, младший служит в ВДВ, а старший несёт службу по контракту. Они говорили мне, что верующему человеку, да ещё с духовным образованием, нельзя не послужить в армии. Меня не пугали разговоры о безнравственности, имеющей место в рядах солдат срочной службы. Я считаю, что человек не должен избегать той среды, которая, по его мнению, безнравственна, а стараться своим поведением, путём следования своим идеалам привнести что-то доброе в общество, которое ему не нравится. Тем более христианин, призванный к этому по самой своей сути: армия в этом отношении — идеальное место для миссии. Задача христианина — не уклоняться от армейской среды, а попытаться её изменить. Верующий человек должен следовать принципам пастырской икономии: «Быть всем для всех, чтобы спасти хотя бы некоторых» (ср.: 1 Кор. 9:22). Поэтому быть христианином в армии — это замечательно. Другое дело, насколько человек к этому готов. Готов ли он вести себя соответственно, имеет ли веру и упование на Бога?

Я специально постарался выбрать совершенно обычную воинскую часть, не сугубо православную, без ежедневного посещения богослужений... Полтора месяца я даже не заикался, чтобы меня отпускали в храм. Поначалу немного испугался, настолько в этой среде оказалось нелегко физически и морально. (У нас в семинарии все ребята были очень дружными, а тут столкнулся с совершенно другим стилем общения...) Сначала я удивлялся, а потом сказал себе, что я — один из них, и стал жить «проще», не стараясь специально показывать, что я — особенно набожный христианин. Но, тем не менее, те небольшие знаки моего христианства — крестное знамение, краткая молитва — воспринимались совершенно нормально. Так получилось, что я вдруг оказался чуть-чуть над этой средой. Конечно, я — не лучше своих сослуживцев, просто мне открыто что-то большее. И мне невольно приходилось стараться быть требовательнее к себе. Это закономерно, что любое сообщество выдвигает христианину завышенные требования. Поэтому естественно отличаться от среды, но в то же время не настолько, чтобы общество тебя вытолкнуло. Быть вместе с ними, но — не изменяя Христу. И потом оказывается, что среда не так уж плоха в отношении самих людей, если более глубоко, а не поверхностно посмотреть на них и пообщаться с ними. И когда у них хватает решимости открыть душу малознакомому человеку, твоему взору вдруг открывается целый сокрытый мир, в котором легко посеять Божественное Слово...

Алексей Курносов, выпускник
Нижегородской Духовной семинарии

Есть одна замечательная китайская народная сказка, в которой повествуется о двенадцати пожилых мужчинах, договорившихся в определённый день и час собраться вместе, чтобы пообщаться и выпить вина. Каждый из них должен был принести чайник с вином и вылить своё вино в общий сосуд. Один из друзей подумал, что если он вместо вина принесёт воду, то никто этого не заметит, а он сэкономит свои деньги. Но вся беда была в том, что так подумал каждый, и все принесли воду, влили её в общий сосуд, а испив, поняли, что обманули сами себя.
Все граждане нашего Отечества хотят жить в защищённой от внешнего врага стране, но не все хотят её защищать, разумеется из тех, кто может и должен это делать. Чем больше юношей «вливают воду вместо вина» в полноту нашей защищённости, тем более уязвимой и слабой становится наша страна в целом и положение в ней каждого гражданина в частности.



Всё зависит от состояния души

Честно говоря, мне не хотелось служить в армии... Я считал, что это пустая трата времени, пугала всем знакомая «дедовщина», тяжёлый быт. Но, несмотря на это, я понимал, что служить всё равно придётся.

Второго ноября я получил повестку, а восьмого состоялась отправка. На распределительном пункте узнал, что буду служить в Нижегородской области, в Ракетных войсках стратегического назначения (РВСН). Это известие меня немного взбодрило и порадовало. Нижегородская земля стала для меня вторым домом, когда я учился в стенах Нижегородской Духовной семинарии,

и не перестаёт быть этим домом и сейчас, только уже в армейских условиях. Привезли нас в воинскую часть, определили в казарму, изолированно от старших солдат срочной службы. Первые дни, недели, максимум полгода, были очень трудным временем, таким трудным, что казалось, что это кошмарный сон, который должен вот-вот закончиться. Распорядок дня, дисциплина, жёсткие требования к внешнему виду. Действия, которые кажутся бессмысленными, в армии выполняются так, словно они имеют особую ценность. Например, вечерняя прогулка — это обязательно ходьба строевым шагом с песнями.

Армия — серьёзная жизненная школа, где человек проходит испытания, становится мужчиной. И то, как пройдёт эту школу солдат, зависит от него самого. Если до службы ты был жесток или труслив, то в армии у тебя есть шанс побороть эти качества. Но если призывник не был таковым, то армия вряд ли может сделать из него негодяя. Не место красит человека, а человек — место, как говорит русская пословица. А в Евангелии есть такие слова: «Добрый человек из доброго сокровища сердца своего выносит доброе, а злой человек из злого сокровища сердца своего выносит злое» (Лк. 6:45). Всё зависит от состояния души. Если душа чиста, добра, наполнена любовью, то всё это и будет изливаться на других, и наоборот.

Сегодня много говорят о проблемах военнослужащих и ищут корни всех бед в армейской среде. Это верно лишь отчасти, так как всё начинается за пределами военных казарм, на «гражданке». Проблемы, существующие в армии, — это отражение болезней общества, частью которого армия является. И пока наше общество не изменится в лучшую сторону, пока оно не осознает наступивший кризис нравственных ценностей, до тех пор мы будем сталкиваться с существующими болячками в армии — дедовщиной, матерщиной, одним словом — бездуховностью.

Оглядываясь на отслуженные мной девять месяцев, я понимаю, что это время не оказалось для меня потерянным впустую. Будучи православным человеком, я имел возможность не прерывать духовную жизнь. На территории военного городка есть церковь в честь преподобного Серафима Саровского, которую я посещаю почти каждую неделю, имея возможность молиться, исповедоваться и причащаться. И я благодарен Богу за это.

Размышляя над тем, что же позитивного даёт армия, я пришёл к следующим выводам. Думаю, что армия учит человека ценить свободу, но это осознаёшь, только имея армейский опыт. Привычка во всём наводить порядок (начиная с тщательной заправки постели) постепенно распространяется на все сферы деятельности, дисциплинирует. Жизнь в солдатском коллективе заставляет преодолевать, пусть и болезненно, чувство индивидуализма, побуждает учитывать чужие интересы. На службе в армии человек в какой-то мере поневоле научается христианским добродетелям — послушанию, терпению, смирению.

Конечно, если парень не понимает, зачем он здесь, если постоянно ощущает себя рабом, то и поступает соответственно: получая нагоняй от командиров, начальников, озлобляется, поступает ещё хуже, и возникает порочный круг. Любое давле-

ние на себя он воспринимает как попытку унижения, а не как что-то полезное, помогающее воспитывать в себе самом добрые качества. Даже если приказ предельно понятен, кто-то не хочет его выполнять, так как не видит в этом смысла.

А смысл здесь даёт, как мне кажется, вера. Вера, которая столетиями созидала нравственный облик человека и нашего народа, его защитников, укрепляла армию, формировала военную духовную культуру. И во время татаро-монгольского ига, и в периоды Смутного времени, Великой Отечественной войны, Церковь благословляла русского воина на борьбу за свободу и независимость своей Родины. Защитники земли Русской всегда были готовы, по слову Господа нашего Иисуса Христа, «положить душу за други своя» (Ин. 15:13). Церковь же благословляла нелёгкое воинское служение, молилась о даровании побед. Среди святых немало воинов: великомученик Георгий Победоносец, благоверные князья Александр Невский и Димитрий Донской и многие другие. Эти святые воины являются ярким примером самоотверженного служения своему Отечеству. Об этом нельзя забывать.

Где бы человек ни был, он, как христианин, должен нести свет миру. К сожалению, это не всегда получается. С одной стороны, наше старание, с другой — наши человеческие качества, которые не всегда бывают на высоте. Какой будет наша армия, её состояние и взаимоотношения военных друг с другом, в конечном итоге зависит от каждого из нас. И уклоняться от существующих проблем — значит дезертировать с духовного фронта, трусливо обвиняя во всём кого-то, но только не себя.

Александр Федотов, выпускник Нижегородской Духовной семинарии, в настоящее время служит в рядах Вооружённых Сил

Главное — остаться человеком

Православным христианином я стал ещё в школьном возрасте, начал ходить в церковь, пономарил на своём приходе. И когда уходил служить в армию, духовник сказал мне, что главное — остаться человеком. В течение всего срока службы я старался следовать этому принципу. Я никому не навязывал своих религиозных взглядов, но и духовную жизнь не оставлял: в свои увольнительные посещал городской храм, молился, когда позволяло время. Оказалось, что верующему человеку не стоит бояться армии. Я убедился в этом не только по опыту своей службы, но и по рассказам других ребят. Если солдат-срочник ходит в церковь, исповедуется, причащается, армейские условия кажутся ему более лёгкими, а точнее — посильными. И получается, как и в нашей обычной жизни, тяготы военной службы даются ровно по силам.

Мужчине обязательно нужно послужить в армии. Именно там он может почувствовать себя другим человеком, понять, на что способен. Армия помогла воспитать во мне некоторые важные черты характера: целеустремлённость, динамичность, дисциплинированность. Раньше я был не особо организован и не очень-то умел общаться с окружающими. В армии, надеюсь, мне удалось исправить эти отрицательные качества.

Как-то, ещё до призыва, один старший товарищ сказал мне: «Вот пойдёшь в армию, Ваня, и найдёшь новых друзей». И действительно, нашлись люди, с которыми мы плечо к плечу прошли всю армейскую службу, так что на сердце остались какие-то зарубки. И сейчас, когда я вижу казарму, где живут солдаты, меня охватывает ностальгия. Первые два месяца после демобилизации я даже не мог смотреть армейский альбом — такие сильные были воспоминания. Когда мы увольнялись из армии, тяжело было именно расставаться друг с другом — признаюсь, до слёз. Я увольнялся первым. Помню, шёл дождь, мы попрощались, ребята вызвали мне такси на собранные деньги, и я уехал... И сейчас, по прошествии нескольких лет, мы встречаемся с армейскими друзьями и часто созваниваемся. Плохое забывается, остаётся только хорошее как самое важное.

Иван Сорокин, студент IV курса
Нижегородской Духовной семинарии

Духовная жизнь в армейских условиях

Лично я не вижу противоречия между службой в армии и верой во Христа. Конечно, я стараюсь специально не афишировать то, что я православный, но и не скрываю этого. И оказывается, что среди офицеров много верующих — просто никто не пытается выделяться. Солдаты-срочники, конечно, очень разные. Кого-то я водил на крещение, кто-то иногда спрашивает о вере, просит посоветовать православную литературу. В нашей части у солдат есть возможность ходить в храм. Но обязательными такие посещения быть не могут. Вообще, религиозные разговоры с солдатами надо вести очень деликатно, чтобы они не почувствовали с твоей стороны давления, как офицера и начальника. Иногда мы приглашаем священника, но не часто, чтобы это не стало пустой формальностью. В этом деле важна добровольность. Но, в конечном счёте, Бог должен коснуться человека, чтобы тот стал верующим.

Армейские условия не только не препятствуют духовной жизни, но даже помогают. Армия — это своего рода духовное упражнение, что-то вроде поста. И оказывается, что в военных условиях человеку легче молиться. В армии у него нет семьи, ему не нужно заботиться о питании, о том, где жить. И у него появляется время, чтобы подумать о своей душе. К тому же, в подобных условиях человек находится в постоянной опасности: например, в «горячих точках» многие солдаты крестились, чувствуя эту опасность. В армейском служении, как в никаком другом, мужчина исполняет слова Спасителя о том, что мы должны «полагать душу за други своя» (Ин. 15:13). И апостол Павел говорит, что готов быть отлучённым от Христа ради того, чтобы спасти своих собратьев (Рим. 9:3). Человек должен жертвовать собой ради других, и поэтому уклонение от армии — это грех против Бога и ближнего.

Денис Давыдов, студент заочного сектора Нижегородской Духовной семинарии, офицер внутренних войск

Из истории военного духовенства

Официально юридическое закрепление места военного духовенства в русской армии произошло при Петре I. По Уставу воинскому 1716 года при каждом полку должен был состоять священник, а указом 1719 года повелено было на каждом корабле военно-морского флота иметь по одному иеромонаху.

На флоте корпус священников возглавлял обер-иеромонах. В сухопутных войсках в мирное время полковые священники оставались в ведении местных епархиальных архиереев. В военное время в русской армии предписывалось назначать особых обер-полевых священников. Впервые обер-полевые священники были назначены в 1746 году. Указом Павла I от 4 апреля 1800 года должность обер-полевого священника стала постоянной, и ему было поручено «главное начальство» над полковыми священниками. Первым в 1807 году эту должность занял протоиерей Павел Яковлевич Озерецковский.

С 1812 года в русской армии начинают формироваться особые корпуса, способные в течение длительного времени вести самостоятельные боевые действия. В составе штаба такого корпуса предусматривалась должность корпусного священника, наделённого правами полевого обер-священника действующей армии.

В 1815 году при образовании Главного штаба армии в его штат была введена должность обер-священника с подчинением ему духовенства гвардии и гренадерского корпуса. Назначения на эту должность производились непосредственно императором. Обер-священники армии и флота назначались по представлению Святейшего Синода. В полномочия обер-священников входило следующее: руководство всеми церквами и духовенством военного и морского ведомств; посещение школ солдатских детей и учебных команд при полках; руководство благотворительными учреждениями при церквах военного и морского ведомств; ежегодное представление Святейшему Синоду отчётов о состоянии вверенного ему управления в соответствии с указами Святейшего Синода; избрание кандидатов и представление их местным архиереям для канонического утверждения и рукоположения ещё не посвящённых в пресвитерский и диаконский сан, а для священнослужителей, перемещаемых в другие части, — получение на то разрешения местного архиерея; назначение псаломщиков в военные соборы и церкви; назначение в соборы и церкви гвардейского корпуса преиму-

щественно заслуженных протоиереев и священников; разрешение спорных вопросов, возникающих между военным начальством и военными священниками при исполнении церковно-богослужебных обязанностей.

В 1816 году при формировании большой действующей армии был образован штаб отдельного Грузинского корпуса. По представлению командира корпуса генерала от инфантерии Ртищева корпусным священником был утверждён протоиерей Грузинского гренадерского полка Авраамов, ставший, таким образом, первым корпусным священником.

В 1840 году, согласно высочайше утверждённому предложению Святейшего Синода, начальствующему над военным духовенством отдельного Кавказского корпуса духовному лицу присваивалось звание обер-священника. В частях корпуса служили 47 армейских священников, что требовало оперативности в управлении и координации их деятельности. С переименованием корпуса в Кавказскую армию в штате её Главного штаба предусматривалась должность обер-священника Кавказской армии (с 1858 года — главный священник Кавказской армии).

В это же время вводится должность протопресвитера армии и флота, ответственного за всё российское военное и морское духовенство.

Административное положение протопресвитера военного и морского ведомств было вполне аналогично положению епархиальных Преосвященных, с некоторыми лишь исключениями. При протопресвитере учреждалось особое духовное правление, состоящее из присутствия и канцелярии, которые определялись штатами (указ от 9 марта 1892 года). Правление это руководствовалось уставом духовных консисторий.

В современной России положение духовенства в армии юридически пока никак не закреплено, однако нельзя не отметить, что в этом направлении делаются шаги, и, причём, весьма решительные. Например, в 2006 году военная прокуратура выступила с предложением о создании института военного духовенства. Предложение было разослано в Государственную Думу РФ, Министерство обороны, и получило благоприятные отзывы. В данный момент законопроект находится на рассмотрении в Государственной Думе.

Со стороны Русской Православной Церкви ещё в 1995 году был создан Отдел по взаимодействию с Вооружёнными Силами (о нём можно прочитать на сайте www.pobeda.ru). Последние совещания по данной проблеме прошли совсем недавно. Как сообщает информационное агентство РПЦ, 9 апреля 2008 года в Москве, в Даниловом монастыре, состоялась пресс-конференции «Армия и Церковь в XXI веке», в которой приняли участие первый заместитель начальника Главного управления по воспитательной работе Вооружённых Сил Российской Федерации генерал-лейтенант Виктор Бусловский, заместитель главного военного прокурора, генерал-лейтенант юстиции Владимир Мельников, председатель Синодального отдела Московского Патриархата

по взаимодействию с Вооружёнными Силами и правоохранительными учреждениями протоиерей Димитрий Смирнов, председатель Комитета Государственной Думы РФ по делам общественных объединений и религиозных организаций Сергей Попов.

По словам протоиерея Димитрия Смирнова, есть только три страны, где отсутствует институт военного духовенства, это Северная Корея, Китай и Россия.

Наиболее известным институтом военных священников считаются капелланы Вооружённых Сил США. На специализированных сайтах говорится, что Вооружённым Силам требуются священнослужители всех конфессий, во всяком случае авраамических, — римские католики, протестанты, православные, иудеи и мусульмане. Им предлагаются значительные социальные льготы — медицинская страховка, удобный пенсионный план, частичная или полная оплата дальнейшего обучения и так далее. Впрочем, и требования, предъявляемые к желающему стать капелланом, достаточно жёсткие. Прежде всего, сам человек не может претендовать на должность капеллана, его кандидатуру должна представить Церковь, к которой он принадлежит.

Кандидат обязан иметь научную степень, не ниже магистерской, с теологической специализацией, а также опыт служения в религиозной общине, не менее двух лет, и быть не старше пятидесяти лет по возрасту. Кроме того, кандидат должен пройти экзамен по физкультуре.

Капелланы могут работать как полный рабочий день (тогда их назначают в действующую армию), так и неполный (тогда они служат с резервистами, проходя ежемесячные мини-тренировки и раз в год — двухнедельную). Капелланами в действующей армии могут быть только американские граждане. Для того чтобы работать с резервистами, достаточно иметь вид на жительство в США.

В ряде исламских стран роль капелланов выполняют войсковые муллы. В их задачи входит руководство коллективной молитвой военнослужащих, они также разбирают вопросы религиозного характера. Обычно войсковые муллы получают определённое воинское звание, однако фактически они полностью свободны от военных обязанностей.

Например, в армии Ирана проходят службу десятки войсковых мулл, чьей деятельностью руководит главный мулла армии. Эти духовные деятели работают не только в обычных, но и в элитных военных корпусах, например в рядах Корпуса стражей исламской революции.

В Афганистане эта система тоже сохранилась, хотя и не в таком чётком состоянии. Кроме того, войсковые муллы могут быть штатными и внештатными. Внештатники — это обыкновенные призывники, которые имеют определённую религиозную подготовку и могут выполнять соответствующие обязанности.

По материалам сети Интернет.
Подготовил Роман Собко

«Молитесь Богу — Он ваш генерал!»

Церковь и армия на путях соработничества

Пастырская забота о военнослужащих всегда была важным делом Церкви Христовой. В разное время окормление военных осуществлялось по-разному. В древней Церкви, ещё в эпоху гонений, количество верующих во Христа солдат и даже военачальников составляло значительное число относительно всего христианского сообщества. Военная среда оказалась удобным пространством для христианской проповеди, а специфические армейские условия помогали воинам воспринимать Благую весть.

Многие воины-христиане приняли мученическую смерть и были прославлены Церковью. На Руси во времена равноапостольного князя Владимира именно дружина составила костяк первой христианской общины. Это определило общую судьбу Православной Церкви и русского воинства на многие столетия вперёд. Конечно, святые воины на Руси — это, как правило, благоверные князья, такие как Александр Невский и Димитрий Донской, или же крупные военачальники, такие как Феодор Ушаков. Но это не значит, что вера во Христа, героизм и жертвенность присущи лишь полководцам. Носителями этих качеств были и простые солдаты. Народная память не сохранила их имён, но в российском сознании навсегда запечатлён образ безымянного русского солдата, «за веру, Отечество и народ живот свой положившего» ...

С тех пор многое изменилось. Уже нет того государства, которое опиралось на Церковь и воинство; наступила новая эпоха, навязчиво предлагающая иные ценности и идеалы, но образ неизвестного солдата по-прежнему остаётся священным. И по-прежнему армия и Церковь видят друг в друге единомышленников и соработников.

О том, как осуществляется это сотрудничество в отдельно взятой военной части на территории Нижегородской области, мы беседуем с полковником Георгием Филипповичем Радуловым, подполковником Геннадием Алексеевичем Вязуном и священником Олегом Стручковым.

Первый вопрос мы адресовали Георгию Филипповичу, командиру одной из воинских частей Ракетных войск стратегического назначения. Несколько лет назад по его инициативе на территории военного городка была построена церковь во имя преподобного Серафима Саровского. Полковник Радулов рассказал, как родилась эта идея и какое место занимает храм в жизни вверенного ему гарнизона.

— Все мы в своё время строили социализм. Но, несмотря на то, что эта идеология в своих моральных принципах близка христианству, она рухнула в начале 1990-х годов. Военные почувствовали крах советской идеологии гораздо острее, чем все остальные. И гораздо острее в нашей среде ощущалась потребность в новых идеологических основах военного служения. Решение этой проблемы заключалось в возвращении к традициям русской армии, основанным на нравственных и патриотических началах православного христианства. Но воспитание личного состава в православных традициях возможно, только если есть храм — место, где офицеры и солдаты могут приобщаться Богу. Именно поэтому мы решили построить свою полковую церковь. Со средствами было тяжело, строительство шло не быстро, но всё-таки в конечном итоге мы завершили это начинание. При храме служит постоянный священник, который проживает на территории военного городка. Он активно участвует в жизни нашей части: занимается воспитательной работой с солдатами, приобщает их к церковной жизни и, конечно, заботится и о гражданском населении.

Военную часть и городок Дальнее Константиново-5 окормляет священник Олег Стручков, преподаватель Нижегородской Духовной семинарии. За время своего пастырского служения отец Олег сформировал отчётливое представление о том, как вести пастырскую деятельность в армейских условиях.

— После окончания семинарии я был призван в ряды Вооружённых Сил и сам находился «по ту сторону» армейской жизни. Сейчас я священник и окормляю солдат. Между этими двумя периодами моей жизни прошло восемь лет. Ещё будучи солдатом срочной службы, я видел, что у людей в армии есть интерес к религии. Ко мне, например, по особому относились и солдаты, и командование... Сейчас, являясь священником, я совершенно уверен, что духовное окормление военнослужащих необходимо. Есть из-

вестное высказывание, что на войне неверующих нет. Армия ставит человека в экстремальные условия, хотя они не обязательно связаны с военными действиями. Дело в том, что современная молодёжь избалована, изнежена, привязана к родителям и комфорту. Оказавшись на военной службе, эти ребята готовы принять любую помощь, любое слово поддержки, особенно поначалу. И отсутствие друзей и родителей отчасти компенсирует священник. Особенно эта помощь даётся солдату в исповеди и причастии.

Полгода назад состоялся призыв, и командование попросило меня встретиться с новоприбывшими солдатами. Я увидел живой интерес в их глазах, хотя они почти ничего не знают о вере. После присяги все были приглашены в храм, и многие пришли на службу. И хотя ребята крестились всей пятернёй, они вели себя очень искренне и после службы подошли под благословение.

О том, как влияют православные традиции на нравственный облик солдата, рассказывает подполковник Геннадий Алексеевич Вязун.

— В настоящее время всё больше становится верующих солдат. Многие приходят с иконочкой в кармане, с молитвой, некоторые с молитвословом, с благословением батюшки. Солдат без нательного крестика — практически единицы. И мы

видим, что ребята, которые воспитывались в православной среде, — духовно и физически крепче. Они дружелюбнее, не допускают неуставных отношений. Очень строго у них развит принцип подчинённости. И нам с ними легче работать. Кроме того, эти парни надёжнее при обращении с оружием. Поэтому, когда мы узнаём, что в призыве есть православные ребята, мы всегда радуемся.

Для нас очень важно, что в военном городке проживает священник. Его деятельность распространяется и на военнослужащих, и на гражданских лиц. Но особенно важно, что батюшка влияет на солдат срочной службы. Наши хлопчики постепенно воцерковляются, учатся молиться, правильно вести себя за богослужением. Многие некрещёные принимают крещение, хотя до службы у них не было таких мыслей. То есть ребят уже воспитывает среда, без нашего специального вмешательства. Мальчишки сами воспитывают друг друга. И появляется желание сходить в храм, в Дивеево съездить, встретиться с батюшкой. Ребята начинают осознавать свою греховность, свои духовные проблемы и ищут помощи у священника. Здесь нет формализма — это их искреннее желание. Кроме того, мы не имеем права вмешиваться в эту сферу и что-то навязывать, это даже законодательно запрещено.

Действительно, присутствие священника в военной части оказывает на солдат серьёзное воспитательное воздействие. Они становятся ответственнее, начинают понимать, что воинское служение основано на постоянной жертвенности. Однако, несмотря на видимые положительные результаты православного воспитания, в современной России не существует института полковых священников. Эту тему поднимает полковник Радулов.

— По моему мнению, в Вооружённых Силах нужно вводить должность полково-

го священника. Я знаю, что в зарубежных армиях есть капелланы, да и в российской царской армии они были. Слава Богу, что ушли те времена, когда политики нагнетали противоречие между обществом и Церковью. Конечно, необходимой нам сегодня законодательной базы пока нет, но я думаю, что государство постепенно к этому подойдёт, пусть даже потребуется принять поправки к Конституции. Но и в нынешней ситуации Церковь не должна уменьшать активность в своей пастырской деятельности в Российской Армии.

— Пока сотрудничество Вооружённых Сил с Православной Церковью находится на уровне местных инициатив, — *продолжает разговор Геннадий Алексеевич.* — Наша часть принадлежит Ракетным войскам стратегического назначения, и высшее командование относится к Церкви положительно. Именно поэтому во многих частях Ракетных войск есть собственные храмы. И при главном штабе построен большой храм во имя преподобного Илии Муромца. Командование часто встречается со Святейшим Патриархом, а военные части на местах окормляют гарнизонные священники. Мы стараемся руководствоваться словами русского полководца Александра Суворова: «Молитесь Богу — Он ваш генерал, и защищайте дом Пресвятой Богородицы!»

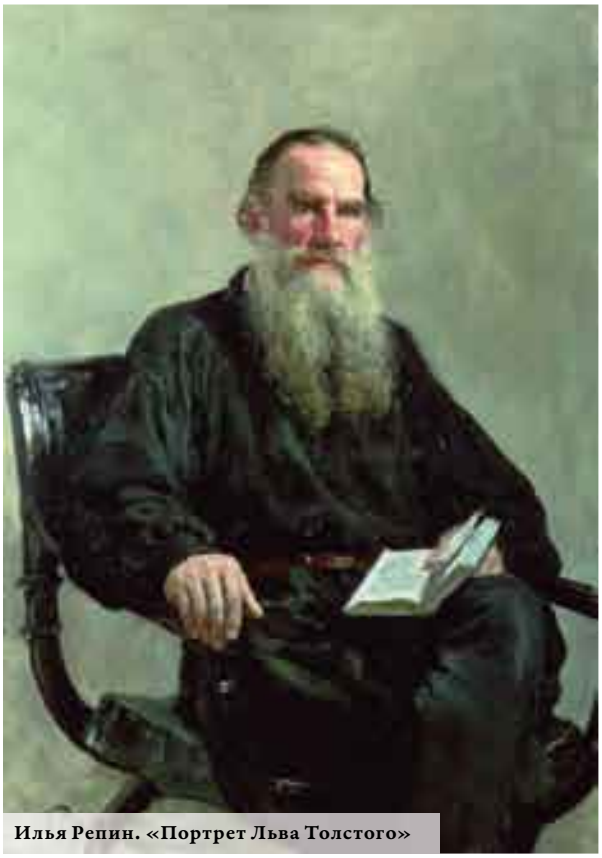
...Российское общество стоит сейчас перед острым моральным выбором: поддаться ли на приманку западных материалистических ценностей или вернуться к собственным историческим корням, от которых в течение столетий питались русское сознание и культура. Для Российской Армии этот выбор стратегически важен, так как только воспитанный на традициях родной истории и веры солдат способен к жертвенному служению Родине. Это понимают и офицеры, и священники, совместно неся нелёгкое бремя воспитания современного российского солдата.

Материал подготовил
священник Василий Спирин

Новое варварство

К вопросу о полемике с «непротивленчеством»

«Бывает нечто, о чем говорят: смотри, вот это новое; но это было уже в веках, бывших прежде нас» (Еккл. 1:10)



Илья Репин. «Портрет Льва Толстого»

Как известно, история повторяется дважды: в первый раз как трагедия, во второй — как фарс. В начале 1990-х годов к нам в страну хлынули потоки разномастных проповедников под девизом «Несём России Христа!» — будто бы Россия не прожила уже целую тысячу лет с Христом в самом своём сердце — и начали «знакомить» нас, как с чем-то новым и небывалым, с давно уже обанкротившимися в истории «учениями» и «течениями».

Где теперь эти наполненные дворцы культуры и шумящие стадионы, оглашаемые просроченными пророчествами? Россия не оказалась духовной пустыней, принимать такого рода «слово жизни» она особо не жаждала. Те «откровения», которыми её пытались осчастливить, она уже проходила, лучшие умы уже дали отповедь «учителям», нынешние последователи которых — лишь слабая тень.

Всё предреволюционное столетие нашего Отечества сопровождалось особенно сильным влиянием на умы псевдохристианских учений и идеологий, среди которых особое место принадлежит учению пацифизма, или непротивленчества. Пацифизм является гуманистической, антихристианской идеологией, не имеющей корней в Священном Предании. Этих идей придерживались сектанты-духоборы, отрицавшие Таинства, обряды и иконопочитание, и, конечно же, всем известный граф Лев Толстой, при жизни признанный классик мировой литературы, без всякой иронии — гигант мысли, поставивший, к сожалению, свой огромный талант против Церкви Христовой и имевший огромное влияние на современников.

Очевидно, что духовные корни непротивленчества, которое является одним из столпов толстовства, прослеживают-

ся в возвращении к ветхому язычеству, но отнюдь не к евангельской простоте первенствующей Церкви, как (в согласии с Толстым) учат протестанты.

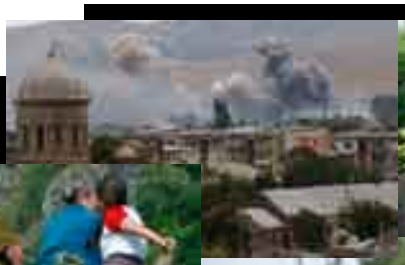
Начало этого исторического отката было положено западным гуманизмом. Если гуманизм протестантизма привёл к упразднению Церкви, то гуманизм пацифистов пошёл дальше, вылившись в стремление совершенно отделить христианство от Христа и утилитарно свести Евангелие к голой морали. Известен приём наших оппонентов: отделять Христа от Церкви, заявлять, что Она неправильно понимает Его учение.

Сегодня, в нашем мире, где отшумели культурные и сексуальные революции, где известная часть социума переболела горячкой движения «хиппи», где перелицованные идеи антихристианского гуманизма снова завоёвывают мировое пространство, вновь предпринимаются попытки внести элементы духоборо-толстовского учения в сознание христиан, выдавая их за нечто исконное, но позабытое.

В этих условиях следует вспомнить: что здравая церковная мысль противопоставляла тогда в ответ этим вызовам времени? Сейчас трудно себе представить, но Лев Толстой вовсе неоднозначно воспринимался своими современниками. Многие из них видели в нём «исчадие ада» и служителя антихриста. В житиях современных Толстому оптинских старцев повествуется, как в образе графа людям являлись бесы, а святитель Феофан Затворник писал: «У этого Льва никакой веры нет. У него нет Бога, нет души, нет будущей жизни, а Господь Иисус Христос — простой человек... Этот бесов сын дерзнул написать новое Евангелие, которое есть искажение Евангелия истинного... Посему он есть подделыватель безчестнейший, лгун, обманщик. Если дойдёт до вас какая-либо из его бредней, с отвращением отвергайте...»

Самый мощный и внятный ответ, с позиции философии, лжеучению Толстого дал Иван Александрович Ильин в своей книге «О сопротивлении злу силою». Этот ответ несколько запоздал в том плане, что не застал уже своего оппонента в живых (книга вышла в 1925 году), хотя вряд ли что-то могло воздействовать на 80-летнего старика Толстого, закосневшего

Михаил Нестеров. «Мыслитель. Портрет Ивана Ильина»



в своём нечестии. Подействовать эта книга должна была главным образом на последователей толстовства, на российскую интеллигенцию, в разной степени заражённую идеями непротивленчества. А это, повторимся, 1925-й год, то есть уже после революций, гражданской войны и позорного «философского парохода», однако большую часть той интеллигенции не смогли вразумить и все эти события, вместе взятые. Это показала ожесточённая полемика, вызванная книгой Ильина. Некоторые же философские круги, например, последователи Н. Бердяева, развернули настоящую травлю в печати.

Дело в том, что всех, кому близки идеи Толстого, роднит общность питающего их мутного источника, который восходит через хлыстовство к манихейству и гностицизму, а оттуда ещё дальше, к языческим мистериям. Иван Ильин смело и прямо вскрывает основы толстовского непротивления: «Его философия, слагавшаяся из сентиментального умиления и отвлечённого рассудка, выносила и выдвинула настоящий духовно-культурный нигилизм, отрицавший государство, науку, искусство и христианскую положительную церковную религиозность ради сентиментально понятой и истолкованной добродетели. Он выдвинул такое понимание добра и зла, которое религиозно сводилось к отвержению мира...» Вот ключ к пониманию заблуждений Толстого: мироотрицание. Другими словами — антисистема, деструктивная мироустановка «мир есть зло». Ильин пишет: «Толстой тяготел к мироотвержению, он склонялся к воззрению Афинагора — презирай мир и помышляй о смерти; он извлекал свою волю из путей и судеб человечества и советовал делать то же самое и другим».

Здесь идею подхватывают протестанты, доходчиво объясняя «на пальцах», почему христианину нельзя служить в армии. Логика такова: мы должны защищать своё отечество? — Безусловно, должны! Но, своё отечество! А что есть наше отечество? — Правильно, далее следует подборка цитат, наше отечество — на Небесах. Наше отечество — Царство Божие, а Оно — не от мира сего. Дальше — больше: невозможно двум господам служить... Затем напоминается заповедь «Не убий». Естественно, в новом прочтении. Убийство бывает двух видов: непреднамеренное и преднамеренное. Преднамеренное — это такое, когда человек готовится к его совершению. И ставится вопрос: разве ношение оружия не есть такая подготовка?

Но мы не можем самоустраниться из мирового процесса. Вернее, не имеем права. Иван Ильин обращает наше внимание на то, что человек сотворён свободным и «волящим»: «...Нужна не только и не просто любовь к тому, что оказывается под угрозой и ударом, но ещё и способность к волевому действию и, притом, к волевому действию не только в пределах собственной личности, как у аскета, но и за её пределами — в отношении к другим людям, к их злой деятельности и к тому мировому историческому процессу, в который они включены. Этот процесс есть великая борьба, в которой живой и здоровый дух уже участвует и не может не участвовать: он не может не любить, не решать и не напрягаться, содействуя одному и препятствуя другому».

Объявляя весь мировой процесс делами тьмы и порока, протестанты вместе с Л. Толстым не разрешают проблему, а, по выражению И. Ильина, «снимают» её, дают ей мнимое разрешение.

Сущность проблемы видится Ильину в том, «что человеку практически даются всего две возможности, всего два исхода: или потакающее злу бездействие, или физическое сопротивление. В первом случае он прекращает борьбу совсем и отходит в сторону (моя хата с краю), или же он продолжает применять лицемерно то средство, которое заведомо обречено на неудачу. Мечет бисер перед свиньями, надеясь, что ему как-нибудь удастся не быть растерзанным, может быть, прямо надеясь на то, что в роковой час он сошлётся на то, что ведь он не сопротивлялся, а лишь кротко метал бисер. Во втором случае он решается приступить к внешнему воздействию и вступает в пресекающую борьбу».

Обыкновенно апологеты христианского пацифизма в защиту своего учения приводят 13-е правило святителя Василия Великого, которое гласит: «Убиение на брани отцы наши не вменяли за убийство, извиняя, как мнится мне, поборников целомудрия и благочестия. Но может быть добро было бы советовати, чтобы они, как имеющие нечистыя руки, три года удерживалися от приобщения токмо Святых Таин». Но православное каноническое право не только не считает грехом убийство на поле брани, но и не признаёт за воином, его совершившим, какой-либо сакральной нечистоты, влекущей отлучение от Причащения. В своём каноническом послании святитель Афанасий Великий дословно говорит следующее: «Убивать врагов на брани и законно, и похвалы достойно. Таких великих почестей сподобляются доблестные в брани, и воздвигаются им столпы, возвещающие превосходные их деяния».

Совет — Василий Великий именно советует — добровольно удерживаться от причащения подаётся с целью успокоения христианской совести, ведь очень трудно не выйти из границ и не допустить излишнюю страстность на поле битвы, в пылу сражения.

Ильин считает, что, принимая меч в борьбе со злом, «человек осуществляет исход неправедный, несовершенный, несвятой, но наименее неправедный из всех возможных. Это есть не отпадение от совершенства по субъективной слабости, а отступление от совершенства по объективной необходимости и проявление субъективной силы. Человек совершает не то, что ему практически запрещено, а то, что составляет его практическую обязанность. Он творит не грех, а несёт служение. И служение его, неправедное по способу действия, не может быть признано делом греховным, злым или порочным...»

Но, утверждая «сопротивление злу... делом благим, праведным и должным», Иван Ильин далек от другой крайности: от превознесения только лишь силового решения. Он пишет: «Нельзя налагать абсолютный запрет на силу и меч, ибо обращение к ним может быть нравственно и религиозно обязательным. Однако нельзя возносить силу и меч на высоту совершенства и святости, ибо обращение к ним выводит душу из любовной плеромы и возлагает на неё бремя несовершенного делания».

И протестанты, и Лев Толстой смешивают два различных плана: сферу личного подвига христианина и сферу общественную. Обман заключается в распространении заповедей Христа, касающихся внутреннего духовного делания, на область общественного. Если непротивление злу сделать основанием для отмены института армии, самого государства, к чему призывал Толстой, то, как говорит известный византийский канонист Иоанн Зонара: «Всё погибнет, и варвары всем овладеют... ибо если будут господствовать варвары, то не будет ни благочестия, ни целомудрия: благочестие они отвергнут, чтобы утвердить собственную религию, а в целомудрии никому не будет дозволено подвизаться, так как все будут принуждены жить так, как они живут». Лучшей иллюстрацией этих слов, сказанных много столетий назад, является всем известный опыт существования общин хиппи и воплощения в жизнь деструктивных антисистемных идей.

Не смешивать эти различные сферы учит знаменитая «чеканная» фраза святителя Филарета Московского: «Люби врагов своих, сокрушай врагов Отечества, гнушайся врагами Божьими!» Иначе — никак, иначе — лишь «новое варварство» ...

Дмитрий Романов, студент
IV курса Нижегородской
Духовной семинарии

Василёва Слобода. Начало XX века

«Слава Богу за всё»

Каждый приступающий к пастырскому служению во время хиротонии слышит над собой слова о том, что благодать священства, сходящая на него, «немощная врачует и оскудевающая восполняет». Этими словами Господь укрепляет священника в его будущих трудах, давая понять, что оскудеть может лишь сам человек, но благодать Божия не иссякнет для его души.

Я был крещён в раннем детстве. Мало что помню из того времени, но именно день своего Крещения почему-то запомнил очень ясно. Конечно, не саму последовательность действий священника и не то, что он говорил, но особое звучание окружавшего меня пространства, в которое я по-настоящему вошёл лишь много лет спустя.

Ещё в детстве первый камушек в основание моей веры заложила дорогая бабушка. Она верила тихо, сердечно, не открыто, но по тому, как она жила, как общалась с людьми, как поступала, всё было и так понятно. Ей — моё благодарение, и вечная ей память. Однако полно-

Δόξα τῷ Θεῷ πάντων ἕνεχα

ценную веру в Бога, настоящее вхождение в Церковь я пережил спустя годы, придя к этому путём многих проб, ошибок и сомнений.

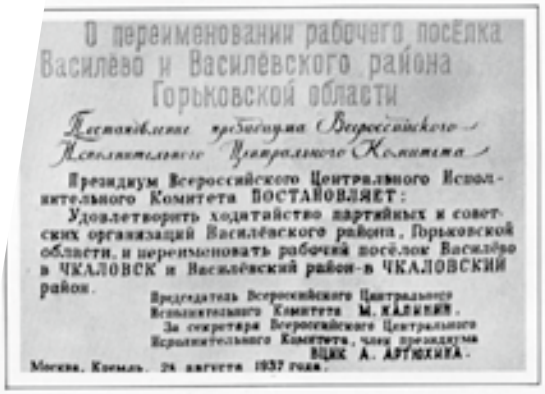
В семинарию я поступил двадцати четырёх лет. Это был другой мир. О священстве я вначале серьёзно не думал. Скорее, хотел найти своё место в Церкви и стать ей полезным. Но получилось так, что в 1998 году, в сентябре, состоялась моя хиротония в диакона, а затем, в декабре, и в священника. О временах семинарской жизни я вспоминаю с благодарностью. Этот опыт мне будет памятен всегда.

После семинарии я получил назначение в молитвенный дом в городе Чкаловске. На новом месте встретили хорошо. Люди были рады, что после многих десятилетий в городе, где не осталось ни одной церкви, снова зарождалась духовная жизнь, вновь зазвучала молитва.

Я прибыл на место служения, и передо мной встал очень важный вопрос: «А с чего должно начинаться это возрождение?» Понятно, что центром духовной жизни является храм. Пусть даже такой, какой выпал мне. В храме совершается богослужение, и это главное. Но постепенно становилось понятно, что пришлось приехать на место, где десятки лет в духовном смысле была почти пустыня. Не стало уже никаких православных традиций, утратились местночтимые святыни. Всё было забыто. И одной из трудностей было недоверие даже к самому зданию молитвенного дома. (До сих пор, хотя и реже, но слышу иногда от жителей вме-

Δόξα τῷ Θεῷ πάντων ἕνεκα

За богослужением



О переименовании рабочего посёлка Василево и Василёвского района Горьковской области

Постановление президиума Всероссийского Исполнительного Центрального Комитета

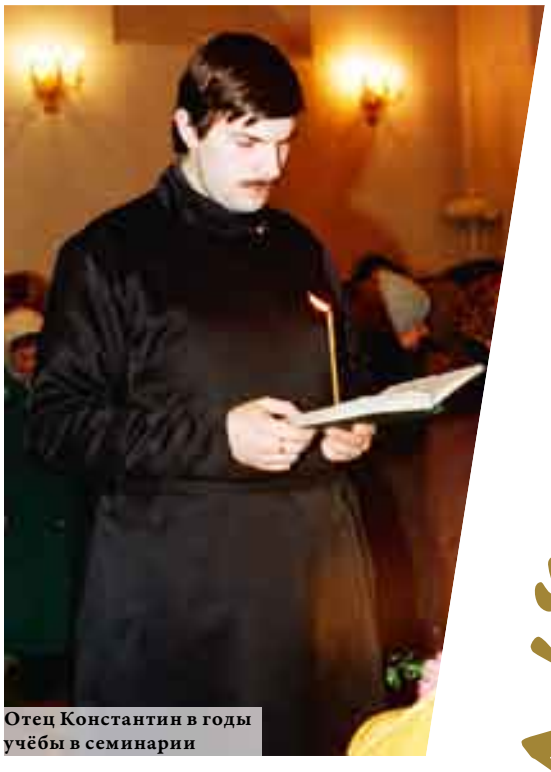
Президиум Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета ПОСТАНОВЛЯЕТ:

Удовлетворить ходатайство партийных и советских организаций Василёвского района, Горьковской области, и переименовать рабочий посёлок Василёво в ЧКАЛОВСК и Василёвский район в ЧКАЛОВСКИЙ район.

Председатель Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета М. КАЛИНИН.

За секретаря Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета, член президиума ВЦИК А. АРТЕХИНА.

Москва, Кремль. 24 августа 1937 года.



Отец Константин в годы учёбы в семинарии

Молитвенный дом в Чкаловске

сто «церковь» или «храм» — «чайная», «столовая», по отношению к нашему храму. Что поделаешь, привычка из прежних времён). Многие говорили, что не будут ходить сюда, потому что это место было скверным, и они здесь пили и плясали. Но шли годы, и люди потихоньку менялись, смягчались их сердца. Видно, уж так было угодно, чтобы там, где согрешили, надлежало и покаяться.

Ещё было трудно принять то церковное пение, которое у нас звучало тогда. Мне, ходившему раньше только в городские храмы, после семинарии, не скрою, резало слух пение наших бабушек. Вроде, как и не помолился за службой. Но когда они стали уходить в мир иной, эти бабушки, то открывалось, чего же они стоили! Были они незаменимы, потому что на смену никто не приходил. И уходили-то из жизни как истинные воины, до последнего оставаясь на своём посту. Так, бывшая псаломщица Фаина Тихоновна вечером отпела всенощную, а утром её уже не стало. А до этого три года после серьёзной операции на сердце, в результате которой ей был поставлен кардиостимулятор, она, при любом самочувствии, почти без пропусков ходила в храм славить Бога. Другая певчая, Лидия, приходила смиренно до тех пор, пока тяжёлый недуг не сокрушил её. Вечная им память и Царство Небесное. Всем нам надо учиться у них.

К сожалению, теперь историческая значимость Чкаловска связывается лишь с именем известного всему миру лётчика. А ведь раньше городок наш имел другое название — Василёва Слобода. Здесь имелось пять храмов и два монастыря. Разглядывал старые фотографии Василёвой Слободы и перед моими глазами проступала та Россия, которую мы потеряли, но частица которой продолжает жить в каждом из нас. Такой же своеобразной частью и памятью об уничтоженных храмах оставался в земле мощный камень фундамента Троицкой церкви, самой последней из разрушенных. На это место мы совершали несколько лет крестные ходы. А в прошлом году случилась большая радость для всех нас: на камне этом общими трудами удалось воздвигнуть прекрасную деревянную часовню, которую, как и порушенный храм, освятили в честь Живоначальной Троицы. И это стало символической точкой, которая связала прошлое и настоящее, как бы примирив их между собой.

Да, труд священника тяжёл. Но всё же он — бремя посильное, если ты несёшь и исполняешь его как назидание Своего Спасителя. С верою, что Господь идёт рядом с тобой, и покрывает все твои немощи, и исцеляет приходящие болезни. И тогда остаётся только сказать: «Слава Богу за всё».

Священник Константин Гусев

Δόξα τῷ Θεῷ πάντων ἕνεχα

Василёва Слобода. Начало XX века

17 июня 2008 года состоялся одиннадцатый выпуск студентов Нижегородской Духовной семинарии. Торжество началось архиерейским богослужением в Спасском кафедральном соборе. За Божественной литургией архиепископ Георгий, ректор семинарии, рукоположил в диаконский сан выпускника 2008 года Павла Кутумова. После литургии был отслужен благодарственный молебен по случаю завершения учебного года. Вместе с выпускниками-семинаристами на богослужении присутствовали выпускницы Нижегородского епархиального женского духовного училища и Отделения сестёр милосердия при Медицинском колледже Росздрава.

По окончании богослужения в актовом зале семинарии в присутствии преподавателей, студентов и родителей состоялось торжественное вручение дипломов.

Для Нижегородской Духовной семинарии уходящий учебный год стал юбилейным, пятнадцатым с момента возрождения. Кроме того, в этом году выпускниками семинарии стали студенты первого набора, осуществлённого при ректорстве правящего архиерея — владыки Георгия. Учёбу завершили 21 человек на стационаре и 6 студентов заочного отделения.

Владыка-ректор обратился к выпускникам со словами напутствия: «Сегодня вы начинаете настоящую жизнь взрослых людей, ту жизнь, в которой мы меньше берём и больше отдаём. Пройдёт десять-пятнадцать лет, и вся полнота церковного служения окажется на ваших плечах. Мы пережили эпоху восстановления, вам достанется эпоха роста и развития российского православия. Пусть Сам Спаситель будет всем нам образцом служения и терпимости».

Преподаватели Нижегородской Духовной семинарии отметили высокий образовательный уровень выпускников. Четверо из них продолжат своё образование в Московской Духовной академии, а 12 человек зачислены на теологическое отделение философско-теологического факультета Нижегородского государственного педагогического университета. Первый проректор этого вуза профессор Лев Евгеньевич Шапошников, присутствовавший на торжествах, сказал, в частности, следующее: «Пожалуй, можно уже говорить об образовательном уровне Нижегородской семинарии, на который равняются духовные школы других городов».

Торжества завершились братской трапезой.

С 20 по 22 июня 2008 года в Москве и Сарове проходила V научно-богословская конференция «Наследие преподобного Серафима Саровского и судьбы России». В этом году она была посвящена почитанию новомучеников XX столетия и проблеме восстановления национального исторического самосознания. Данное научное и духовное мероприятие ежегодно проводится Благотворительным фондом преподобного Серафима Саровского.

В день открытия конференции архиепископ Нижегородский и Арзамасский Георгий, сопредседатель Фонда, совершил Божественную литургию в храме в честь новомучеников и исповедников российских, на Бутовском полигоне. За богослужением молились преподаватели и студенты нижегородских духовных школ, принявшие активное участие в работе конференции. Пленарное заседание состоялось в Московском государственном университете имени М. В. Ломоносова, при участии митрополита Крутицкого и Коломенского Ювеналия, министра юстиции Российской Федерации Александра Коновалова, ректора МГУ Виктора Садовничего. На секционных заседаниях, прошедших в Сарове, с докладами выступили преподаватели Нижегородской Духовной семинарии — священник Василий Спирин и П. П. Шитихин.

Для преподавателей духовной школы участие в мероприятиях подобного масштаба и научного уровня позволяет не отрываться от последних достижений в сфере светских и церковных исследований, а для студентов это хорошая возможность обогатить свои знания и, может быть, определить направление собственных будущих исследований в области церковных наук.

В Пюхтицком монастыре

Архив митрополита Николая (Кутепова), хранящийся в библиотеке Нижегородской Духовной семинарии, содержит не только личные и церковные документы, письма и записи, но и интересные фотографии, отразившие разные события церковной и частной жизни владыки. Известно, что митрополита Николая и ныне здравствующего Патриарха Алексия II связывала многолетняя дружба, у них были самые искренние и тёплые отношения.

Вниманию читателей предлагаются фотоснимки из собрания почившего владыки, где митрополит Николай и Патриарх Алексий запечатлены вместе на богослужениях, в паломнических поездках и торжественных мероприятиях. Фотографии относятся к периоду с середины 70-х до конца 80-х годов XX столетия.

Делегация Московского Патриархата на острове Кипр

В Горненском монастыре ▶

В Горьковском облисполкоме

Во время концерта в Арзамасе, посвященного 1000-летию Крещения Руси

На приёме у уполномоченного Совета по делам религий М.И. Юрова

Литургия на Гробе Господнем в Иерусалиме

Перед зданием Горьковского облисполкома

В Пюхтицком монастыре

На волжском откосе

Заупокойная лития на кладбище у храма в посёлке Высоково

Остановка в лесу

Встреча высокого гостя на Московском вокзале г. Горького

Братское приветствие

Господа Бога святите в сердцах ваших; будьте всегда готовы всякому, требующему у вас отчета в вашем уповании, дать ответ с кротостью и благоговением.

1 Петр. 3:15

Зачем нужна апологетика?

В рубрике «Начала премудрости» мы предоставляем преподавателям Нижегородской Духовной семинарии возможность рассказать о читаемых ими учебных дисциплинах. В этом номере «Дамаскина» кандидат богословия, доцент Александр Владимирович Ворохобов размышляет о преподаваемой им науке апологетике.

Обычно принято считать, что апологетика — это наука, занимающаяся защитой христианства от всевозможных нападок. Или же, иными словами, наука, дающая рациональное обоснование христианской веры. В этих определениях речь идёт о защите христианства от всевозможных обвинений. Таково современное популярное понимание апологетики. Этот подход верен, но всё же что-то в нём упущено. Такое определение предполагает оборонительное отношение к внешнему миру и его аргументам. Я считаю, что апологетика, помимо сказанного, — это наука и искусство христианского убеждения. Да, апологеты действительно защищают христианство, именно в этом состоит основная роль апологетики. Однако при этом они должны, скорее, показывать и убедительно разъяснять, почему христианство истинно. Апологетика — наука и искусство христианского убеждения.

Апологетическая наука — это систематическое изучение академических дисциплин, имеющих отношение к апологетике. Чтобы изучать и практиковать апологетику, нужно хорошо разбираться в самых разных областях знания. Апологетика — раздел богословия, междисциплинарный по своей природе. В частности, апологетические исследования невозможны без понимания истории апологетики, философских аргументов в пользу истинности христианства, исторических свидетельств христианской веры и богословского аспекта христианского мировоззрения. Именно в этих областях апологетика чаще всего отвечает на вопросы простых верующих. Если мы не знаем, во что именно мы верим и почему, вера наша становится хрупкой и слабой. Мы должны стремиться помочь людям найти ответы на их вопросы. От сомнений не будет вреда, если на пути к истине найдутся мудрые наставники. Сомневаться — значит не иметь твёрдой уверенности по какому-либо вопросу и, следовательно, взвешивать доводы как «за», так и «против». Мы должны помочь верующим распутать клубок их вопросов. Да, порой сомнения разъедают веру, но этого можно избежать. Можно излечить сомнение и укрепить веру. С другой стороны, апологетика направлена не только к людям верующим, но и к тем, кто ещё находится на пути к истине или же является убеждённым противником христианства, полагая, что оно в тех или иных аспектах ложно. Вера без оснований остаётся именно такой — необоснованной. Мы верим, что Бог, творя человека, вложил в него нечто, позволяющее отличать истину от заблуждения. Это основная предпосылка и аксиома для православного апологета. Творя человека по Своему образу, Бог наделил нас способностью мыслить и рассуждать в рамках тех законов, по которым существует весь сотворённый мир. Христианство воспринимает эти законы не волюнтаристично, а считает их онтологически укоренёнными

в Абсолюте. Поэтому каждый способен идти к истине, вопрос лишь в желании и методе постижения. Важнейшее предназначение разума — давать основания для веры.

Мы рассматриваем апологетику в качестве науки, то есть в качестве систематически организованного представления об органически едином, связанном и объективно доказуемом знании. Впервые такой наукой апологетика стала в Новое время (XVII–XVIII вв.). Апологетика как наука, в отличие от христианских апологий первых веков, всегда соотнесена с насущными вопросами современности, что побуждает искать ответы на выдвигаемые оппонентами возражения касательно предпосылок и основ христианства: религии, Откровения и Церкви.

Предмет апологетики определяется через уточнение того, что она рассматривает различные вопросы с позиций разума и сверхъестественного Откровения. Вместе с тем именно на этом концентрируется внимание и, исходя из этого, рассматриваются основы веры.

Изучение данного предмета в духовных школах соответствует потребностям и духу времени, когда христианское мировоззрение более не является единственно возможным для людей, а истина зачастую воспринимается как сугубо субъективная категория. Опросы, проведённые социологами, показали, что 82% респондентов, русских по национальности, считают себя православными. Но эта впечатляющая цифра свидетельствует не столько о реальном воцерковлении, сколько о «проправославном» и «прорелигиозном» консенсусе в современном российском обществе. Если перейти к вопросам, непосредственно касающимся веры (не веры в пользу Церкви и «православной цивилизации», а веры в Бога и религиозные догматы Православия), то можно обнаружить крайне низкую степень религиозности среди русских: не более 6–7%. Иными словами, для части современных россиян можно быть приверженцем определённого вероучения, не будучи верующим.

Христианство имеет двухтысячелетнюю историю, и борьба с ним велась с самого начала проповеди о Христе. Современная критика христианства, по сути своей, не предлагает каких-то кардинально новых аргументов, которые не были бы ранее рассмотрены апологетами. Видоизменяется форма критики, несколько смещаются её акценты, содержание же остаётся неизменным. Поэтому столь важно быть в курсе той полемики, которую осуществляли христианские мыслители первых веков христианства. Сейчас можно выделить три группы вопросов, стоящих перед современной христианской апологетикой, соответственно трём группам возражений, выдвигаемых против христианства. Соответственно намечаются и три основных отдела апологетики:

а) *апологетика естественнонаучная*, устраняющая мнимые противоречия христианского Откровения и естественнонаучного познания;

б) *морально-практическая апологетика*, разрешающая вопросы о значении христианства для общественного прогресса, об отношении его к задачам земного устроения жизни и вопросам смысла земной жизни;

в) *историческая апологетика*, рассматривающая вопросы, связанные с проблемами происхождения религии, подлинности источников христианского Откровения и исторической личности самого Христа; наконец, с проблемами исторической роли христианства и христианского учения, со смыслом истории.

Как было показано, апологетика требует от нас внимательного диалога с людьми иных мировоззрений, для того чтобы понять ход их размышлений и их надежды. Необходимо помнить, что если христианство истинно, то нам нечего бояться контакта с другими образами мысли. Мы и наши неверующие собеседники можем лишь извлечь пользу от честного поиска истины. Наверное, самое главное в таком диалоге — смирение верующего и искреннее желание помочь другому.

А. В. Ворохобов, кандидат богословия, доцент, преподаватель Нижегородской Духовной семинарии

Международный студенческий лагерь «Славянское содружество»

С 13 по 24 июня 2008 года в Сочи традиционно был организован лагерь Международного студенческого центра «Славянское содружество», седьмой по счёту. Впервые этот проект состоялся в 2002 году и реализуется Администрацией Курской области под патронатом Полномочного представителя Президента Российской Федерации в Центральном Федеральном округе Г. С. Полтавченко, совместно с Министерством образования и науки Российской Федерации, молодёжными структурами субъектов России и стран СНГ.

В этом году в «Славянском содружестве» приняли участие более 600 студентов из 43 областей и 180 различных учебных заведений, члены студенческих общественных объединений и творческих коллективов, молодые учёные и преподаватели России, Украины, Белоруссии, Болгарии и Сербии.

Уже третий год в «Славянском содружестве» принимает участие делегация Учебного комитета Русской Православной Церкви, куда входят студенты тринадцати духовных учебных заведений, в том числе Нижегородской Духовной семинарии, которую нынешним летом представлял студент III курса Филипп Измаилов. Участниками лагеря дана высокая оценка сотрудничеству, сложившемуся в ходе совместной работы светских и духовных учебных заведений. Патриарх Алексий II одобрил участие студентов духовных учебных заведений в лагере «Славянское содружество».

Целью проекта «Славянское содружество» является формирование и подготовка к общественной работе студенческого актива в каждом учебном заведении. Главными задачами лагеря 2008 года были организация отдыха, оздоровления и обучения студенческого актива, укрепление международных молодёжных связей и вовлечение студенчества в социально значимую деятельность, развитие студенческого самоуправления в средних и высших учебных заведениях.

В этом году Русская Православная Церковь праздновала 1020-летие крещения Руси и поэтому на «Славянском содружестве» особое внимание было уделено теме духовного единства славянских народов, а также проблеме духовно-нравственного воспитания молодёжи и её социальной деятельности.

Международный лагерь «Славянское содружество» набирает силу и готов в дальнейшие годы продолжить свою работу на благо духовного развития и объединения славянских народов.

«От Господа пути человеку исправляются»

Интервью с Высокопреосвященнейшим Игнатием, архиепископом Петропавловским и Камчатским

— Глубокоуважаемый владыка, в последние десятилетия мы являемся свидетелями возрождения нашей Церкви, восстанавливаются древние обители, открываются новые. Этот процесс связан с разного рода трудностями. Расскажите, пожалуйста, о современном состоянии Православия на Камчатке. В чём сложности его современного становления?

— За всю 300-летнюю историю Православия на Камчатке здесь никогда не было монастырей, хотя многие миссионеры, которые проповедовали в этих краях Слово Божие, были монахами. Одним из самых сильных моих желаний со времени назначения на Камчатскую кафедру было основа-

Владыка Игнатий, архиепископ Петропавловский и Камчатский, с Е. В. Плисовым

ние мужского монастыря. И многие усилия по этому поводу предпринимались, но Господь судил иначе. Однажды ко мне в епархиальное управление пришла женщина, которая захотела пожертвовать небольшой дом у бухты. Практически в то же время обратилась группа пожилых прихожанок с просьбой найти им настоятельницу для монашеской общины. Я отправился по женским монастырям. Посетил Толгский, Новоголутвин... И вот в Дивеево, замечательная матушка Сергия благословила рясофорную послушницу Анну к нам на полуостров. А через полгода приехала сама игуменья, и мы совершили постриг Анны в монахиню Александру. Так, молитвами преподобного Серафима и трудами дивеевской игуменьи появилась настоятельница первого камчатского монастыря в честь иконы Божией Матери Казанской.

Матушкам нашим нелегко. Непривычный климат, проблемы — наследие ещё с перестройки, бедность края — всё сказывается. Но они у нас — замечательные молитвенницы и труженицы. За короткое время монастырь стал любимым местом камчатцев.

— А как обстояло дело с мужским монастырём, появившимся практически в одно время с женской обителью?

Судьба мужского монастыря складывалась иначе. Я много скорбел о том, что не удаётся устроить иноческую обитель, и Господь не оставил без внимания моих молитв — также однажды пришли жертвователи, которые подарили нам ещё один небольшой домик, на окраине Петропавловска-Камчатского. Но вот первых общежительных монахов мы воспитали сами: ребята сначала участвовали в работе православного молодёжного центра, ездили в миссионерские поездки, организовывали и проводили благотворительные акции, а затем один из них пришёл ко мне с просьбой по-

стричь его в монаха. Конечно, этого нельзя было делать сразу, да и мама его была против. Поэтому началась сложная работа, которая называется послушанием. Молодой человек работал в госучреждении, а жил в будущем монастыре, участвуя в богослужениях, совершая правило, неся послушания. Путь его был непростым, но в 2006 году двоих наших воспитанников я постриг в мантию. Иеромонахи Антоний и Пантелеимон стали первыми насельниками монастыря во имя святого великомученика Пантелеимона.

— Как Вы могли бы определить дух ваших монастырей?

— Это, в первую очередь, послушание — и монахов, и послушников, и меня как окормляющего эти обители. Без послушания воле Божией не было бы и самих монастырей. Другой отличительной особенностью нашего монашества является миссионерский характер. Монахи на Камчатке — это просветители, они не келейные труженики, свой затворнический дух им приходится взращивать и нести глубоко в себе, осуществляя при этом свою главную миссию — служения Церкви и народу Божию.

— Как бы Вы оценили задачи внутренней миссии на сегодняшний день? Насколько она необходима?

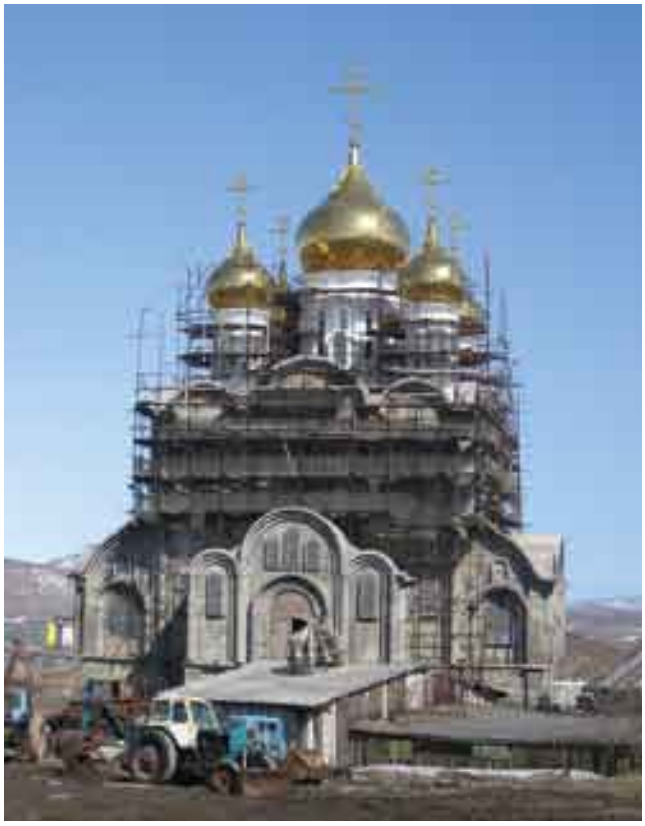
— Безусловно, необходима. Мы живём в регионе, возраст Православия в котором насчитывает три сотни лет, но при этом в последние сто лет здесь практически не было ни одного храма. И в этом контексте наша задача — современными способами донести до людей нашу веру, помочь им, чтобы это

стало и их Православием. Епархия, по сути, является миссионерской, и в миссии нуждается и кафедральный город, и далёкие Усть-Камчатск и Палана. Традиционные этносы Камчатки — коряки, эвены, ительмены — оказываются восприимчивее к вере, чем жители столицы края. И поэтому ни я, ни мои соработники (священники и сотрудники епархии) ни на минуту не оставляем забот и попечения о детских домах, домах престарелых, мы регулярно проводим занятия в школах, читаем лекции в среднеспециальных учебных заведениях и вузах, встречаемся с военными, деятелями культуры, проводим миссионерские поездки. Работа с современной молодёжью представляется мне настолько важной, что я лично провожу уроки в школах и сам участвую во всех проектах молодёжного православного центра.

— Вы считаете, что может быть определённый плюрализм в путях прихода ко Христу?

— Безусловно. Посмотрите, как пришёл ко Христу апостол Пётр, как апостол Иоанн Богослов, и уж совсем разительное отличие пути апостола Павла. В главном, существенном мы должны быть Христовы, а характер наших путей к Нему зависит от многих причин — культурных, исторических, личных.

— Владыка, Вы служили Божественную литургию глубоко под водой во время автономного плавания на подводной лодке. Совсем недавно Вы служили литургию на Северном полюсе. Такого рода «литургический экстрим» близок Вашему характеру? Планируете ли Вы что-либо подобное в ближайшее время?



— К моему характеру это не имеет никакого отношения. Я — келейный монах, я люблю заниматься келейным трудом, и это намного мне ближе. Если бы свершилось чудо и появилась возможность вернуться в монастырь, я бы ни секунды не колебался. Но перед моей хиротонией в епископа Петропавловского и Камчатского в 1998 году один из архиереев сказал мне: «Легко не будет. Всегда иди туда, куда зовут». И я, следуя этому совету, всегда откликаюсь на приглашения, будь это плавание на атомном крейсере или встреча в детском саду. Когда мы планировали поездку на Северный полюс, то хотели служить там только Божественную литургию, но Господь так управил, что градоначальник Петропавловска-Камчатского Владислав Васильевич Скворцов после серьёзной и тщательной подготовки пожелал принять Святое Крещение (а это уже два таинства — Крещение и Миропомазание). Кроме того, за Божественной литургией диакон Роман Никитин был рукоположен во священника. Таким образом, сразу несколькими таинствами Святой Церкви была ознаменована эта поездка и освящена наша арктическая земля. Экстремально ли это? Несомненно. Но если в следующий раз позовут в космос, то надо испросить благословения у Святейшего Патриарха и подумать о том, как же можно достойно отслужить Божественную литургию в условиях невесомости.

— *Храм Святителя Николая, главный в вашей епархии, — это и крещальный храм. Практикуете ли Вы крещальные литургии?*

— Да, уже несколько лет мы совершаем крещальные литургии по чину, опубликованному Православным Свято-Тихоновским гуманитарным университетом. При этом особое внимание уделяем предварительной катехизации желающих принять Святое Крещение. Один раз в неделю в течение одного-двух месяцев они должны принимать участие в катехизаторских беседах. В отношении взрослых людей мы подходим к этому очень серьёзно: или ты учишься основам веры, или тебе незачем креститься. Дополнительного времени требует и осмысление крещаемыми того, что есть собственно крещальная литургия, и этому мы также посвящаем несколько занятий. Правда, такие литургии мы совершаем нечасто.

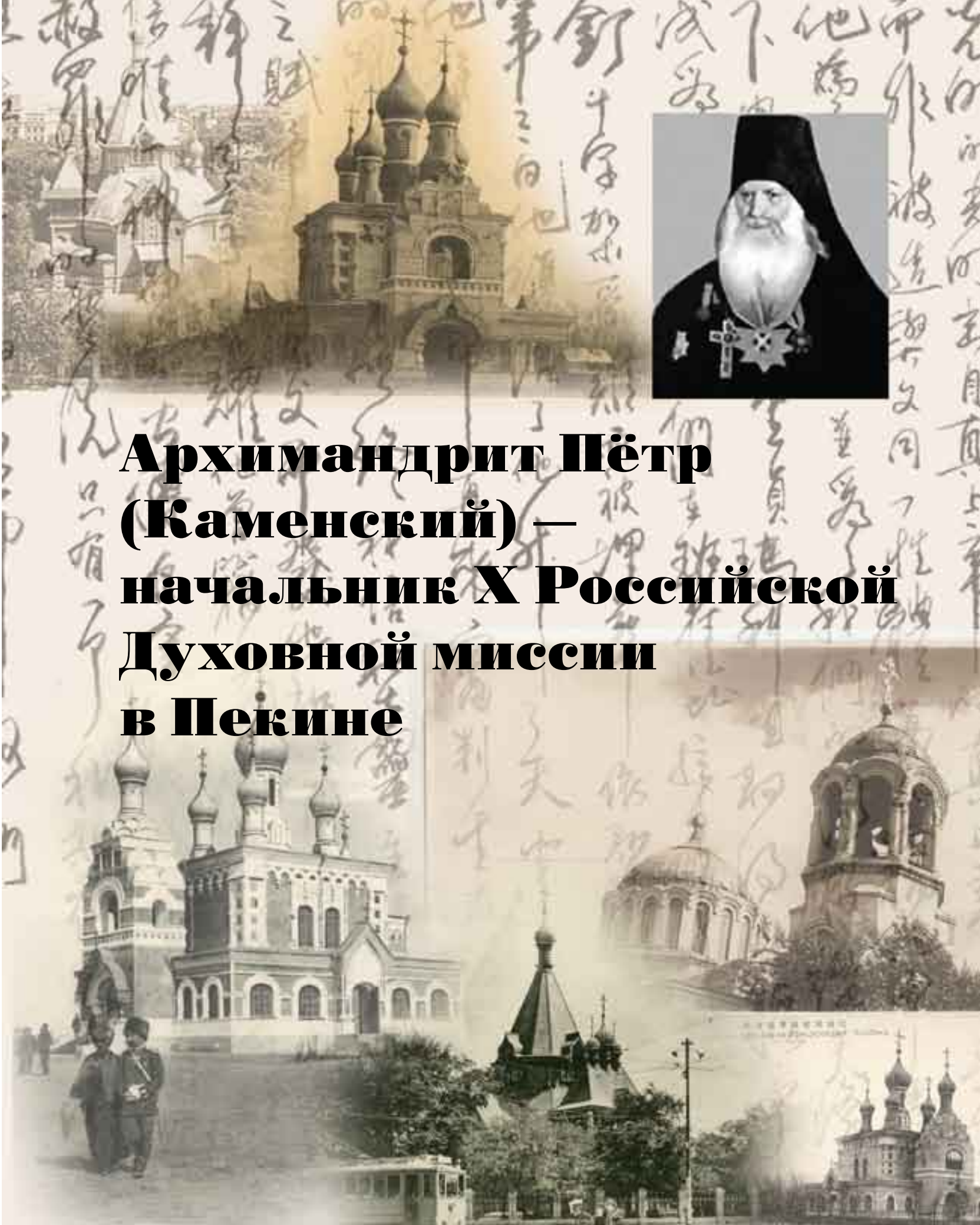
— *Какова система духовного образования в регионе? Планируется ли открытие духовных учебных заведений? Есть ли в них потребность?*

— На сегодняшний день в Петропавловской и Камчатской епархии работает филиал Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, который закончили или в котором учатся все клирики нашей епархии. Я не исключение: некоторое время назад, уже после окончания Московской Духовной семинарии, завершил своё обучение на богословском факультете ПСТГУ. Несколько человек из нашей епархии учатся в семинариях. Открытие самостоятельного духовного учебного заведения на сегодняшний день нецелесообразно. Слишком мало населения на Камчатке: всего 300 тысяч человек. Но это вовсе не значит, что мы не занимаемся дополнительным духовным образованием. Несколько раз в году я провожу встречи для духовенства нашей епархии, своего рода «курсы повышения квалификации», где мы рассматриваем не только текущие проблемы, но и сложные вопросы литургической практики, душепопечения, социального служения.

— *Студенты духовных учебных заведений сегодня существенно отличаются от тех, которые приходили учиться в семинарии десять-пятнадцать лет назад. Наверное, те, что придут позже, будут тоже другими. Что бы Вы, владыка, могли пожелать нашим сегодняшним воспитанникам, как им «сделать прямым путь свой»?*

— Отвечу также словами Священного Писания: «От Господа пути человеку исправляются». Главное — какова цель. Цель пастыря — пасти народ Божий, содействовать его спасению (как похожи слова: «пасти» и «спасти»). А главное средство к тому — постигать волю Божию, жить ею и исполнять её каждым дыханием своей жизни.

Беседовал Е. В. Плисов, преподаватель Нижегородской Духовной семинарии



Архимандрит Пётр (Каменский) — начальник X Российской Духовной миссии в Пекине

Пекин для учёных миссионеров есть прекрасная школа, рай, а для невежд — мучительнейшая неволя.

П. И. Каменский

Русская история — череда разрывов и связей. В этом её трагичность. Мы строим новый мир — всегда предварительно разрушив до основания старый. В наше время Господь Бог даровал нам возможность ретроспективы, обращения к своему прошлому, без которого нет возможности вхождения в историческое будущее, так как вечно меняющаяся река времени не даёт остановиться, и мы либо управляем течением, либо несёмся по волнам, навстречу очередной катастрофе. Задача современного думающего русского человека, а тем более человека православного, — возродить разорванные связи, восстановить духовное преемство с теми, кто трудился на ниве Христовой до нас.

Одна из важнейших проблем, стоящих перед нами, членами Церкви Христовой, — свидетельство об истине, нам дарованной. «Итак идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святаго Духа, уча их соблюдать все, что Я повелел вам; и се, Я с вами во все дни до скончания века», — заповедал Своим ученикам Спаситель (Мф. 28: 19, 20). В наши дни, когда антихристианская, по сути своей, современная западная цивилизация поглощает в море «общечеловеческих ценностей» страны и народности, превращая их в потребителей гамбургеров и кока-колы, проповедь древнего и вечно нового Православия — единственный способ остановить, пусть и временное, но неизбежное, историческое торжество врага рода человеческого.

Прошлое русского Православия знает многие примеры плодотворного миссионерского опыта, исследование которого представляется оправданным и актуальным в наше сложное время. Один из таких живых примеров и составляет предмет настоящей статьи, посвящённой жизни и трудам нашего земляка, православного миссионера и учёного, архимандрита Петра (Каменского), начальника X миссии Русской Православной Церкви в Пекине.

Родился будущий проповедник в 1765 году, в семье священника, и получил имя Павел. В 1787 году окончил Духовную семинарию в Нижнем Новгороде, где обучался латинскому и древнегреческому языкам (знал их в совершенстве), поэзии, риторике, философии, богословию, географии и математике.

Особо следует отметить, что во время учёбы Павла Каменского Нижегородская Духовная семинария была известна на всю Россию, благодаря таким просвещённым и образованным нижегородским архиереям, как Иоасаф (Заболотский) и Дамаскин (Семёнов-Руднев). О последнем необходимо сказать более подробно, как о наставнике П. И. Каменского.

Эпоха Просвещения, с её культом знания и человеческого разума, коснулась не только Западной Европы, но и екатерининской России. Владыка Дамаскин был одним из образованнейших людей своего времени. Он закончил Московскую славяно-греко-латинскую академию и, при императрице Екатерине II, вместе с четырьмя студентами, вверенными ему как инспектору, был отправлен в Геттингенский университет, знаменитый своей фундаментальной библиотекой и преподавательским составом. В течение шести лет будущий архиепископ постигал европейскую науку, преуспев в ней более студентов. Он овладел древнееврейским языком, изучил языки европейские, прошёл полный курс не только гуманитарных, но и естественнонаучных дисциплин. Любопытно, что именно он первым, по просьбе немецкого историка Гаттерера, перевёл на немецкий язык «Повесть временных лет» инока Нестора.

По возвращении в Россию он становится близок ко двору и назначается поначалу префектом, а затем, после пострига в монашество, и ректором Московской

Духовной академии, а также архимандритом Заиконоспасского учительного монастыря.

Дамаскин (Семёнов-Руднев), фактически, был первым русским профессором философии и филологии. К числу его деяний относится и издание первого полного собрания сочинений М. В. Ломоносова, поклонником и последователем которого он был.

И именно он, как один из образованнейших представителей учёного духовенства, поставляется епископом Нижегородским в 1783 году. Особым предметом забот владыки Дамаскина становится Нижегородская Духовная семинария, где по его указанию расширяется библиотека, систематизируется и обновляется преподавание богословских предметов и, по указу императрицы, вводится преподавание языков местных народностей — татар, мордвы, чуваш и черемисов. Под руководством архиерея был составлен и словарь этих языков.

Но особенно стала известна наша семинария в его правление благодаря публичным диспутам, введённым им по примеру Геттингенского университета. Диспуты эти были известны по всей стране и прославили Нижегородскую семинарию.

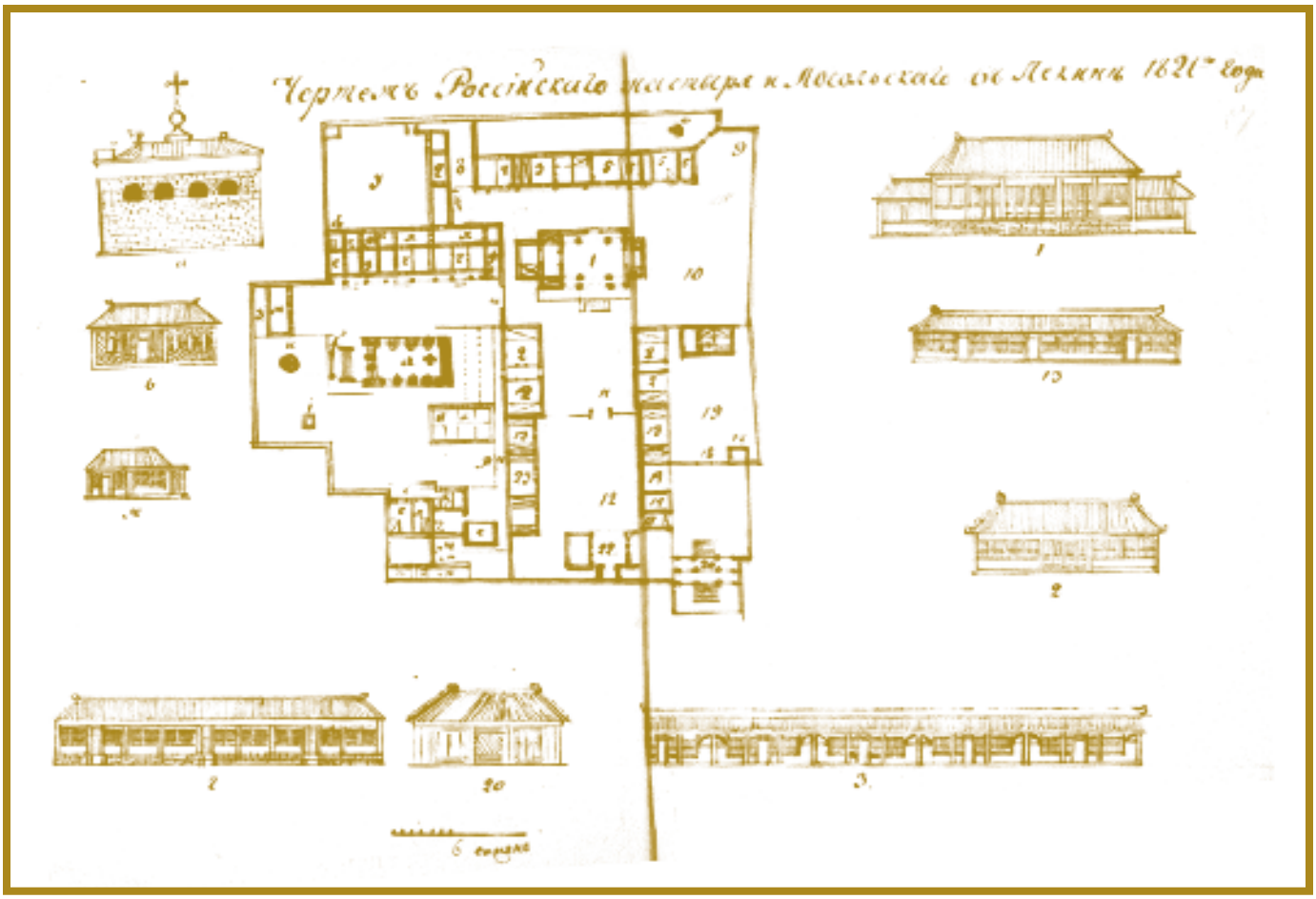
Вот любопытное описание этих диспутов: «Доселе помнят в Нижегородской епархии о тех семинарских диспутах, которые бывали при Дамаскине. Вскоре по приезде своем в Нижний Новгород он приказал устроить в семинарии кафедру по примеру Геттингенского университета. На ней было два места вверху и внизу, занимаемые во время диспутов возражающим и отвечающим, или, как тогда говорили, «оппонентом и респондентом». На трех боковых стенах этой кафедры были изображения из мифологии и древней истории. С одной стороны нарисован был великолепный храм Минервы с латинскими стихами о постепенном приобретении просвещения, с другой — Диогенова бочка с надписью о мудрости, почивающей не на мягком ложе, а с третьей стороны изображен был горящий светильник, как символ просвещающих наставников. Эта кафедра стояла в аудитории, а после — в зале собрания. Перед наступлением диспута певчими изучаемы были канты, а студентами речи на разных языках, стихи, разговоры и темы для ученых состязаний. Все это заранее представляли самому Дамаскину на рассмотрение. Накануне диспута покупали пудры, шпилек и нанимали парикмахера для уборки 13-ти студентов. То же было и перед поздравлением Преосвященного во дни торжественные и праздничные, когда произносились студентами поздравительные речи. В день самого диспута Преосвященный с почетными лицами, в сопровождении хора певчих, торжественно ходил из своего дома в семинарию. По приходе, в большой ее зале, произносились убранными студентами приветственные и благодарственные речи на восьми языках: русском, греческом, латинском, немецком, французском, татарском, чувашском и мордовском. На первых трех языках читались и стихи, а по-русски <происходили> разговоры и состязания между двумя приготовленными студентами под руководством префекта или ректора. Для большего увеселения публики различные чтения перемежались пением кант. Эти диспуты, повторяясь каждый год, сделались известны повсюду. Преосвященный Дамаскин, пользовавшийся, особенно в начале управления, благоволением императрицы, приказал в 1787 году описать по порядку весь ход диспута, напечатать его со всеми произнесенными речами и разговорами для поднесения мудрой императрице, в память ее 25-летнего царствования» (См.: Макарий (Миролюбов), архим. История нижегородской иерархии. Н. Новгород, 1999. С. 176-177).

Епископ Нижегородский и Алатырский Дамаскин (Семёнов-Руднев)

В такой творческой обстановке и получал образование Павел Каменский. Знание классических языков, французского и немецкого, полученное в семинарии, создали фундамент для будущих филологических трудов, столь необходимых в миссионерской деятельности.

Впрочем, царящая в Нижегородской семинарии любовь к науке имела и свои неожиданные последствия. Выпускники неохотно шли на епархиальную службу, предпочитая ей научную стезю и государственное служение. Дело дошло до того, что сам владыка Дамаскин был вынужден ограничивать наиболее ретивых[1]. Но будущий архимандрит Пётр всё же избрал именно этот путь и окончил Московский университет, где изучал логику, физику, математику, всеобщую историю и естественное право, а далее поступил на государственную службу. В феврале 1793 года по указу Святейшего Правительствующего Синода он был включён в состав VIII Российской православной миссии, архимандрита Софрония (Грибовского), в качестве ученика китайского и маньчжурского языков. Находясь в Пекине, помимо работы в Лифаньюане (китайской Коллегии иностранных дел), активно занимался переводческой деятельностью (в основном, с маньчжурского языка).

Познания П. И. Каменского в китайском и маньчжурском языках, как и других учеников миссии, по возвращении в Россию были высоко аттестованы ургинским ваном, который имел с ними беседу специально на этот предмет. Именно Каменского предполагал оставить переводчиком в своём ведомстве тогдашний иркутский генерал-губернатор И. Б. Пестель. Однако центральное правительство, испытывая недостаток в квалифицированных переводчиках, определило его вместе с С. В. Липовцовым 13 апреля 1809 года в штат чиновников Азиатского департамента Коллегии иностранных дел.



В 1816 году он производится в чин коллежского асессора и возводится в дворянское достоинство. Тогда же Высочайшим именным указом Каменский был определён в состав попечительного комитета Императорского человеколюбивого общества и, как член его, являлся попечителем Галерного селения. В 1818 году он был избран на должность директора комитета Российского Библейского общества.

Находясь на гражданской службе, П. И. Каменский продолжал активно заниматься научной деятельностью. Большой международный резонанс получила его идея, связанная с попытками издания пятиязычного (маньчжурско-монгольско-китайско-русско-латинского) словаря, пробный оттиск первых листов которого был выпущен в типографии Н. Греча. Несмотря на высказываемые и по сей день сомнения в реальности проделанной Каменским практической работы над составлением такого рода словаря, имеющиеся в нашем распоряжении архивные материалы позволяют утверждать, что к моменту отправки в Китай он основательно потрудился над задуманным изданием, хотя и не успел завершить этот грандиозный труд до конца. На данное обстоятельство указывают также многочисленные рецензии, поступившие из-за рубежа от крупнейших востоковедов Западной Европы. Из отечественных синологов отозвался Н. Я. Бичурин, причём негативно.

Приблизительно в те же годы Каменским, учёным-синологом, был осуществлён перевод книги «Тайшан», неполный текст которого опубликовал «Журнал министерства народного просвещения», за 1821 год. Параллельно он преподавал в Санкт-Петербургской Духовной академии, где читал курс по современной истории Китая.

Наглядным проявлением признания заслуг П. И. Каменского в научной сфере явилось его избрание в 1819 году членом-корреспондентом Санкт-Петербургской Императорской академии наук, по разряду литературы и древностей Востока. Он также являлся членом Вольного экономического общества, Вольного общества любителей науки и художеств, Парижского Азиатского общества и Копенгагенского общества северных антиквариев.

Именно Каменский стал автором проекта той инструкции (с небольшими добавлениями иркутского генерал-губернатора Н. И. Трескина), которая и легла в основу деятельности Российской православной миссии в Китае. Главными среди её пунктов являлись следующие: забота о сохранении и приумножении православной паствы в Китае, правильная постановка учебных занятий и сбор материалов всеми, без исключения, членами миссии по интересующим русское общество и правительство отраслям знания, «сохранение в миссии отменно-

Русские православные люди появились на территории Амура, сопредельной Китаю, в середине XVII века. Казаки и «охочие люди» в поисках заработка стали осваивать богатые ресурсами и особенно пушниной земли по реке Амуру и захватили тангутскую крепость Албазин, ставшую базой для дальнейших вылазок на территорию Китая. С 1685 года войска китайского императора Канси штурмовали крепость неоднократно и разорили её, а пленённых русских жителей переселили в Пекин, где была организована русская сотня. Вместе с пленными воинами в Пекин отправился и священник Максим Леонтьев — «соборный белый поп», с которого начинается история Российской Духовной миссии в Китае.

По разрешению императора Канси ламаистская кумирня в северо-восточной части Пекина была перестроена для русских пленников, ставших китайскими подданными военного сословия, в православную часовню в память Святителя и Чудотворца Николая, где поместили взятый из Албазина образ Святителя. С той поры святитель Николай особо почитается всеми православными в пределах Поднебесной. При этом надо отметить, что лишь в 1696 году для первого в Пекине православного храма, Никольского, священнику Максиму Леонтьеву прислали из России, из Тобольской епархии, антиминс, с этого момента стало возможным совершать Божественную литургию.

Пленные русские казаки определены были императором Канси на военную службу и вообще пользовались значительными привилегиями, даже в сравнении с местным населением. Большинству из них в жёны были даны местные маньчжурки, и это должно было способствовать скорейшей ассимиляции русских (что и произошло, несмотря на сопротивление отца Максима).

Возможно, что так бы и растворилась и ассимилировалась русская община «в китайском море», если бы не деятельная натура российского государя Петра I, решившего использовать удачное стечение обстоятельств для утверждения русского присутствия в Поднебесной империи. Практичность Петра Алексеевича не позволяет считать, что все государственные интересы были сосредоточены лишь на миссионерском служении. Царь прекрасно понимал перспективы крепких и доверительных отношений, кои вполне могли бы сложиться у Китая с Россией. Даже чисто экономическая возможная выгода от гарантированного и безопасного транзита товаров и торговых караванов из Китая в Европу и обратно была бы достаточно существенной. В этой перспективе Духовная миссия стала необходима для обеспечения дружественных сношений с китайской стороной, а также для контроля над ситуацией с русскими караванами и купцами.

В результате переговоров с китайской стороной в 1713 году была организована первая Русская миссия в Китае, впрочем в Пекин она прибыла только три года спустя. В задачи её поначалу входило не миссионерство как таковое, а духовное окормление албазинцев, оставшихся верными Православию.

Главными задачами миссии того времени были дипломатические, ввиду упорного отказа китайского правительства принимать иностранных послов. Все переговоры по текущим дипломатическим вопросам вели обыкновенно комиссары казённых караванов, при посредстве начальников духовных миссий. Студенты миссий выступали в качестве драгоманов (переводчиков) в Трибунале внешних сношений.

Миссии обыкновенно отправлялись при торговом караване с грамотой от Сената. Путь из Москвы был долгий, сопряжённый с большими задержками на границе, вследствие строгих формальностей. Состав миссии, в большинстве своём, был удачно подобран. Посылались миссионеры обыкновенно на срок не более десяти лет. Но выдерживали немногие. Тяжёлые условия жизни в китайских фанзах, необыкновенно холодных зимой и сырых и душных летом, оторванность от родины, незнание языка, скука и монотонность пекинской жизни, отсутствие живой свободной деятельности — всё это угнетающе действовало на членов миссии и не располагало к занятиям сухой и трудной китайской грамотой.

Жили русские миссионеры замкнуто, стараясь поддерживать добрые отношения с католическими миссиями и китайскими учреждениями. Всё свободное время члены миссии посвящали изучению китайского и официального маньчжурского языков, делая переводы китайских книг и современной литературы по истории и географии, составляя словари и занимаясь изучением всех сторон китайской жизни. Благодаря им в России впервые узнали о Китае, его политической организации, жизни двора, обычаях, земледелии и ремёслах.

го порядка, столь уважаемого в Китае», соответственно через это «снискание благорасположения начальствующих чинов и доверенных лиц» китайского правительства.

Скорее всего, данное обстоятельство, свидетельствующее об очень глубоком и всестороннем знании дела, а также личные качества составителя инструкции дали повод его непосредственному начальству предложить П. И. Каменскому возглавить новую миссию[2]. Однако от этой чести он отказался, в рапорте на имя К. В. Нессельроде.

«Сейчас трудно объяснить те действительные причины, по которым П. И. Каменский отказался принять это высокое назначение, как и обстоятельства, в конечном счете побудившие его изменить свое первоначальное решение, — пишет историк О. В. Шаталов. — Вряд ли они были сугубо материального порядка, на чём настаивают некоторые из его биографов. Но как бы там ни было, выбор состоялся в пользу повторной, очень непростой и весьма продолжительной службы в Китае»[3].

Учитывая, что начальником миссии должно быть лицо непременно духовного звания, Павел Каменский избрал монашество (этому способствовало также и то, что он был холостым), и 3 мая 1819 года принял постриг с именем Пётр, от митрополита Санкт-Петербургского Михаила. 8 мая был рукоположен в иеродиакона, затем — в иеромонаха, а 15 мая произведён в архимандрита.

На десятую миссию были возложены особые надежды, поскольку несогласие и определённые раздоры между членами предшествующей миссии, архимандрита Иакинфа (Бичурина), сделали проблематичным дальнейшее существование «островка Православия» в пределах Срединной империи. В связи с этим остро вставал вопрос о составе миссии и её начальнике. Выбор правительства был как нельзя более удачным. Архимандрит Пётр оказался тем человеком, которому удалось возродить и поставить на принципиально новую основу саму деятельность Российской православной миссии в Китае. В связи с этим уместно привести слова известного русского синолога XIX века К. А. Скачкова, который писал об архимандрите Петре: «во время десятилетнего пребывания своего в Пекине, <он> не переставал заботиться вместе со своими помощниками о внушении отпавшим от Православия истин веры Христовой и мерами кротости, благодеяний, добрым примером, усердием в священнослужении и в исполнении духовных треб привлёк к нашим храмам большую часть тех албазинцев, живших в Пекине, семейства которых уже более века коснели в идолопоклонстве»[4].

При архимандрите Петре (1819–1830), начальнике десятой миссии, в Бей-гуане было положено основание богатейшей богословской библиотеке (к сожалению, погибшей от пожара в 1900 году).

С первых же шагов деятельности новой Российской православной миссии особенно остро встала проблема взаимоотношений с членами предшествующей миссии, что было связано с разбирательством её дел, весьма запущенных по церковной и административно-хозяйственной части. Достаточно упомянуть, что за пятнадцать лет работы девятой миссии в православную веру обращено было лишь 23 человека. Всю ответственность за раздоры и развал миссии Каменский полностью возложил на архимандрита Иакинфа (Бичурина), о котором писал: «Архимандрит Иакинф острого ума, ко многому по истине способен, но добрых склонностей, и даже кажется стыда и совести, ни следа не видно. Для него вера, отечество, родство, долг ближнего, жизнь, смерть — пустые слова, для него одни сладострастия составляют его блаженство»[5]. Причём аналогичной оценки тот удостоился также со стороны официальных китайских властей, иркутского генерал-губернатора И. Б. Пестеля, а также своего непосредственного начальства. Исход «дела» был следующим: виновных наказали, а самого Иакинфа простым монахом сослали на Валаам.

Близкое знакомство с ошибками и неудачами предыдущих миссий позволило архимандриту Петру внести важные изменения в саму систему организации Российской православной миссии.

Удачным новшеством нужно признать образование Совета миссии из трёх человек (архимандрит и два иеромонаха). Теперь именно Совет определял планы учебных занятий и текущих обязанностей каждого, без исключения, члена миссии, ведал финансовой и хозяйственной стороной, вёл отчётность и переписку, вырабатывал общую линию поведения в отношении цинских чиновников и местного населения. Функции самого архимандрита были сведены до роли «старшего священника», каковым он и именовался в китайских официальных бумагах, во избежание недоразумений (хотя именно его авторитет и знание всех обстоятельств жизни Китая сделали архимандрита Петра реальным, а не формальным начальником миссии).

Самое пристальное внимание в деятельности десятой Российской православной миссии уделялось проповеди христианства среди вновь окрещённых албазинцев, общее число которых в 1831 году составляло 94 человека. И, главное, именно в период миссионерства архимандрита Петра Божественная литургия стала совершаться на китайском языке — непосредственно им самим в Успенском храме, а в Сретенском храме в воскресные и праздничные дни — иеромонахом Вениамином (Морачевичем). Скорее всего, во второй «пекинский» период Каменским был подготовлен к печати «Большой русско-китайский словарь» в трёх томах, с образцами перевода на китайский язык отдельных фраз преимущественно богословского характера.

Следует сказать, что миссионерство среди китайцев и албазинцев имело свои особенности, связанные с национальным менталитетом. Архимандрит Пётр и члены его миссии пошли по пути икономии, внеся изменения в обряд крещения, в частности. Вот как писали об этой стороне своей деятельности в донесении в Святейший Синод от 1 июля 1824 года члены Совета миссии архимандрит Пётр, иеромонахи Вениамин и Даниил, коллежский асессор И. П. Войцеховский: «В течение четырёхлетнего пребывания духовной миссии в Пекине, крайние предоставлялись необходимости, по причине различия климата и обычаев Китая с нашими отечественными, к отступлению от некоторых обрядов и правил святыя нашея Церкви как относительно новопризываемых чад Христовых, так и самых членов миссии. И именно:

1. Иностранец в Китае есть редкость и диковина. И потому куда бы он не показался в одеянии своем, везде будет служить зрелищем народу и образцом варвара. Посему... нашли необходимо нужным, во избежание таковых препятствий, подбривать головы и бороды и, выходя со двора, надевать китайское платье. 2. <Албазинцы отказываются при крещении обнажать тело>. Потому да не препятие положится благовестию Христову, нужным признано совершать таинство сие чрез возливание только на главу крещающегося святой воды. 3. Непостояннейший климат в северных частях Китая; разные свойства произрастений онаго и воды с нашими отечественными были не маловажною причиною к расслаблению здоровья почти всех членов миссии. Сверх того, недостаток постных вещей как то: рыбы, грибов, сухих овощей, квасу и тому подобного, коими у нас питаются во время постов, делал сохранение оных для здоровья совершенно изнурительным. И потому также не меньшая необходимость заставила, исключив четыредесятницу, во все прочие посты, разрешить на масло и молоко»[6].

Другой насущной проблемой продолжали оставаться взаимоотношения с представителями остальных христианских конфессий и орденов, имевших своё представительство в Пекине. Для католических и протестантских миссий период первой трети XIX века для миссионерства в Китае стал наиболее трудным. Господству иезуитов был положен конец. Г. М. Богатиков отмечает: «Несмотря на гонения на христианство, в то время, как все католические храмы были разрушены, русские церкви процветали, так как китайцы всегда благожелательно относились к русским монахам, не питавшим тайных замыслов и не искавшим влияния в чужой стране»[7]. Сам архимандрит Пётр следующим образом обрисовал положение Католической миссии в Китае во второй срок своего там

Благодаря деятельности архимандрита Петра и членов возглавляемой им миссии были заложены основы для последующего распространения Православия в Китае. Особенно процветала здесь Русская Духовная миссия в конце XIX века. Трагическим для миссии стал 1900 год, связанный с восстанием ихэтуаней — по своей сути религиозного движения, которое в Европе, по неудачному переводу англичан, более известно как «боксёрское восстание». Оно было направлено против иностранцев, чьё влияние на жизнь Китайской империи во многом усилилось с проникновением западных миссионеров. Идеологией этого восстания было антихристианство.

Ихэтуани повсюду устраивали свои кумирни, совершали жертвоприношения. До весны 1900 года официальные власти Китая покровительствовали иностранным миссиям, но к лету императрица Цыси приказала войскам поддержать восставших в столице. Чиновники, подозреваемые в связях с иностранцами, были казнены. В Пекин бежали все иностранцы из провинций, они искали спасения в Посольском квартале в южной части города. Когда восстание охватило столицу, начальник Российской Духовной миссии архимандрит Иннокентий (Фигуровский) и его соработники переселились в российское посольство. С собою они взяли только древний образ святителя Николая Можайского, привезённый из Албазина ещё о. Максимом Леонтьевым в 1685 году, и ценную церковную утварь.

Китайское правительство выставило на охрану Русской миссии десять копейщиков, но к 11 июня миссия была сожжена дотла, погибла библиотека, архив, ризница. Ихэтуани замучили 222 православных китайца, которые и стали первыми китайскими святыми-мучениками. Среди них есть и священномученик — иерей Митрофан, первый китаец-священник, рукоположенный в Японии святителем Николаем, просветителем Японии.

Таким образом, «китайское православие» было на тот момент уничтожено, чтобы вновь возродиться после 1918 года, с прибытием в Китай русских эмигрантов. Но во время культурной революции в этой стране Православная Церковь вновь претерпела гонения, и только в 2005 году в Пекине, на территории российского посольства, собрались сотни русских православных верующих, чтобы присутствовать на первой с 1957 года Пасхальной литургии.

История Православия в Китае трагична, но Церковь и созидается на крови мучеников. И 256 лет существования Российской Духовной миссии в этой стране — выдающееся историческое событие не только для Русской Православной Церкви, но и для христианства в мировом масштабе.

пребывания, в одном из донесений на имя обер-прокурора Святейшего Синода князя П. С. Мещерского: «Римское миссионерство во всём Китае уничтожено. Теперь по болезни до выздоровления оставлен один епископ Пирет (т. е. К. П. Перейра). Церкви их разрушаются, а обширные имения распроданы, из коих и мы с дозволения здешнего правительства, для казенных доходов купили два овощные огорода и несколько лавок, всего ценою около десяти пуд серебра. К нашей же миссии час от часу здешнего усугубляется правительства политическое благорасположение. Все наши нужды и просьбы удовлетворяются весьма благосклонно»[8].

В силу всего вышесказанного российское правительство высоко оценило деятельность X миссии после возвращения её членов из Китая 3 сентября 1831 года. Все оставшиеся в составе миссии удостоились положительной оценки своего начальника и по возвращении на родину были должным образом награждены, получили продвижение по службе. Архимандрит Пётр за беспорочную и самоотверженную службу в качестве начальника X Российской православной миссии в Китае был награждён орденом Святой Анны 1-й степени (первым среди духовных лиц подобного сана). Его прочили на архиепископскую кафедру в Астраханскую губернию. Однако он предпочёл удалиться на покой в Городецкую Феодоровскую обитель (Нижегородская губерния, Балахнинский уезд), в ту самую, где, по преданию, умер великий князь Александр Ярославич Невский после возвращения из своей поездки в Золотую Орду в 1263 году[9].

Последние годы жизни архимандрит Пётр (Каменский) провёл в непрерывных и деятельных заботах, связанных с восстановлением этого монастыря; на реализацию своего замысла он потратил значительную часть пенсии и имущества, в том числе подаренный ему императором Николаем I бриллиантовый перстень. Скончался архимандрит Пётр 17 мая 1845 года.

Примечания

1 Так, в письме к своему покровителю, митрополиту Платону (Левшину), владыка Дамаскин писал: «Здешние семинаристы (Нижегородской епархии, В. Богородский и Л. Павловский), обучавшиеся в Московской Академии, на сих днях явились ко мне и просили дозволения, чтоб еще им поучиться в Академии, а потом в Московском Университете, но как я приметил из их речей, что им хочется посредством Университета выйти в другое звание, то и разсудил оставить их здесь» (См.: *Макарий (Миролюбов), архим.* История нижегородской иерархии. Указ. изд. С. 174).

2 См.: *Можаровский А. Ф.* Архимандрит Пётр Каменский, начальник десятой Российско-Императорской миссии в Пекине. Пекин, 1912. С. 33.

3 *Шаталов О. В.* Архимандрит Пётр (Каменский) и десятая Российская Православная миссия в Пекине // Исторический вестник. 2000. № 2(6). С. 91.

4 См.: *Скачков К. А.* Потомки албазинцев в Пекине // Русский художественный листок. 1859. №2. С. 9.

5 Там же. С. 93.

6 РГИА. Ф. 796. Оп. 99. № 877. Л. 295-295 об.

7 *Богатиков Г. М.* Бей-Гуань // Китайский благовестник. 1947. Август-сентябрь. С. 34.

8 Цит по: *Шаталов О. В.* Указ. соч. С. 96.

9 Материалы для истории Российской Духовной Миссии в Пекине / Под ред. Н. И. Веселовского. Вып. 1. СПб., 1905. С. 48.

Материал подготовил
Д. В. Семикопов, преподаватель
Нижегородской Духовной
семинарии

VII Московский летний богословский институт

В этом году, с 23 июня по 5 июля, на одной из подмосковных баз отдыха состоялся очередной летний богословский институт, который организуется Богословским библейским институтом св. апостола Андрея Первозванного в Москве. Впервые летний институт был организован в июне 1999 года в Минске, по благословению митрополита Минского и Слуцкого Филарета. В 2003 году подобный опыт был перенесён на Украину. Первый московский летний богословский институт с огромным успехом прошёл в Москве в августе 2002 года. В течение всех этих лет слушателями летних институтов являются студенты и выпускники духовных семинарий и академий, богословских и религиоведческих факультетов вузов, специалисты, преподаватели, журналисты. Ежегодно в летних богословских институтах обучаются около 200 лучших студентов из России, Украины, Беларуси, других стран СНГ и Восточной Европы.

В нынешнем году в летнем институте впервые была представлена Нижегородская Духовная семинария. По благословению архиепископа Георгия, ректора семинарии, на участие в этом проекте был делегирован студент V курса Антон Белянин. За две недели, которые включали в себя две сессии, по неделе на каждую, было прочитано восемь ёмких курсов по различным дисциплинам: Богословие иконы, Апокрифы и псевдоэпиграфы Библии, Введение в библейскую герменевтику, Контекст Нового Завета, Богословие Нового Завета, Философия религии, Богословие эволюционной биологии, Эволюция религии в современном мире. Помимо лекций ежедневно проходил семинар на определённую тему, касательно различных церковных вопросов, проблем современности, как в Церкви, так и в мире, роли и задач Церкви в настоящее время и др. Лекции и семинары проводились ведущими преподавателями института, а также другими специалистами. По окончании каждой сессии подводились итоги в виде письменных зачётов или контрольных работ. По результатам аттестации участники получили сертификат, а имеющие высшее образование — свидетельство о повышении квалификации государственного образца. Кроме того, всем слушателям была предоставлена возможность приобрести современные учебные пособия и другую научную литературу издательства ББИ (Богословский библейский институт) со скидкой 40%, а некоторые издания бесплатно.

«Наука — это пространство, в котором нужно говорить о Христе»

Редакция журнала «Дамаскин» представляет своим читателям известного нижегородского учёного, историка, специалиста по международным отношениям, в частности по истории государства Израиль, Александра Алексеевича Корнилова. Профессор Корнилов — доктор исторических наук, заведующий кафедрой регионоведения факультета международных отношений Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского, руководитель научно-исследовательской лаборатории «Русское зарубежье», автор книг по истории Русской Православной Церкви в XX веке, о русском православии за границей, в том числе биографического словаря «Духовенство перемещённых лиц», в котором даны уникальные сведения о жизни архипастырей и пастырей русских общин, вынужденно перемещённых на запад во время Второй мировой войны или же бежавших туда из коммунистических стран.

— Уважаемый Александр Алексеевич, расскажите, пожалуйста, о том, как у Вас возник интерес к истории русской эмиграции и, в частности, биографическим сведениям о православном духовенстве за границей? Каковы результаты Ваших исследований в этой области?

Мои исследования эмигрантского духовенства начались с поездки в университет Вилланова, штат Пенсильвания, США. В ходе стажировки я познакомился с жизнью русской церковной эмиграции. Как у русского и православного человека, эта тема вызывает у меня большой интерес, тем более, что по образованию я историк, и обе мои диссертации, кандидатская и докторская, посвящены Израилю. И, кстати, благодаря научному интересу к Израилю я вышел на изучение православия и пришёл в Церковь. С 1986 года нахожусь в рядах Императорского православного Палестинского общества. Мои исследования русской эмиграции сначала были посвящены духовенству и возрождению церковной жизни на оккупированных во время Второй мировой войны территориях. Эта тема очень сложная, если не сказать скользкая: поскольку данное явление получает различные оценки, в том числе и слишком эмоциональные. Иногда считают, что при немцах нельзя было начинать служить в храмах, нужно было всем уходить в партизаны. Священников поэтому представляют коллаборационистами. Но я так не считаю, поскольку Христос сказал: «Приидите ко мне вси труждающиися и обремененнии, и Аз упокою вы. Иго бо Мое благо, и бремя Мое легко есть» (Мф. 11:29, 30). В конце концов, Он же не сделал оговорку, что нужно дождаться, пока закончится оккупация. Жители страдали от голода и немецких репрессий. Всё это нужно было выдержать, и только в Церкви Христовой можно было найти силы и энергию. Это я и пытался исследовать, причём исследовал проблему с точки зрения эмигрантов, тех, кто оказался в оккупации и решил не возвращаться в СССР после окончания войны. Многие историки считают их предателями. Однако я просто познакомился с этими людьми. Конечно, они очень разные. Есть верующие, никогда не оставлявшие Русской Церкви, но идейно ненавидевшие советскую власть в новой России. Есть люди, которым было очень тяжело покинуть родину, но они боялись мести со стороны сталинского правительства и потому ушли на запад. Третья категория — это просто беженцы войны, на запад их погнали снаряды, а потом они оказались в лагерях для перемещённых лиц, после чего уже решили не возвращаться назад. Многие общины там окормляли батюшки ещё царского периода, и они убеждали паству не возвращаться.

Вот такая была сложная картина. Я исследовал её, вышли в свет несколько моих книг. Первая книга посвящена скромному священнику, который закончил свой путь в Филадельфии, — отцу Евгению Лызлову. Этот батюшка являлся прямым потомком Николая (Касаткина), святителя Японского, и он служил в тяжёлые двадцатые-тридцатые годы. Немцы не посмотрели на то, что отец Евгений священ-

ник, его вместе с другими угнали на запад, где он был простым рабочим в лагере перемещённых лиц. После окончания войны отец Евгений уехал в Филадельфию, где основал приход в честь иконы Божией Матери «Всех скорбящих радость». Как священник, он действительно спасал паству, «был всем для всех, чтобы спасти хотя бы некоторых» (см. 1 Кор. 9:22). Мне кажется, что своё предназначение отец Евгений выполнил. Я был у него дома, где он и скончался, побывал на кладбище в штате Нью-Джерси, где он похоронен, беседовал с его детьми, внуками. И написал книгу. Вторая книга вышла о прихожанах того же храма. Кто-то из них нейтрально относился к советским властям, кто-то был настоящим власовцем и боролся против советского режима. Я изучал их судьбы как историк, для историка важно всё. Третья моя книга была посвящена возрождению духовной жизни в России. Мне хотелось отметить 2000-летие Рождества Христова и рассказать о подвиге тех батюшек, которые, несмотря ни на что, вопреки всему, спасали людей в оккупации. Духовенство делилось с прихожанами последним куском хлеба, разделяло их проблемы. Особенно интересны судьбы священников Псковской духовной миссии, которые после войны оказались в ГУЛаге, — это настоящий мартиролог! Об этом сейчас широко рассказывают, много пишут. Моя задача была проследить этот опыт служения по епархиям, найти какие-то примеры. Я уже не говорю о таких движениях, как движение вдов, которые, взяв чудотворную икону Божией Матери, ходили по линии фронта и убеждали — нет, не закончить войну, — а поверить во Христа! Было в это военное время и второе обретение мощей святых в Прибалтике...

В последние годы я обратился к теме духовенства в лагерях перемещённых лиц. Эта тема никем ещё подробно не исследовалась. И эта тема тоже спасительна, поскольку духовенство в лагерях было обречено. Обречено и на голод, и на сотрудничество с советскими или американскими властями. Часто тех священников, которые не могли принять советского образа жизни, заставляли возвращаться в СССР,

а тех, кто хотел вернуться в Россию, наоборот, вынуждали уйти в эмиграцию. Этот моральный выбор был очень трудным для священнослужителей. Надо добавить, что в 1946–1947 годах в лагерях перемещённых лиц, как и в СССР, был голод. Священники должны были выбирать либо крест, либо хлеб: либо забыть о своём предназначении и пойти работать, либо взять крест и убеждать людей идти ко Христу, спасаться. Моя задача была написать об этих людях. Сначала я собирал биографические сведения. Было обнаружено 101 имя и зафиксировано в биографическом очерке, но очень многие были ещё не найдены, о некоторых находилось лишь упоминание в прессе Американской Православной Церкви. Нужно было ехать в американские архивы и уже там искать сведения. Но основу словаря, конечно, составили документы Зарубежной Русской Православной Церкви. В этой работе мне очень помог покойный митрополит Лавр. Я с благодарностью вспоминаю его. Мне посчастливилось встретиться с ним в Джорданвилле. Он пригласил меня, обычного паломника, из незнакомого ему города Нижнего Новгорода, спросил, чем я занимаюсь, и подарил мне книгу. Очень ценную книгу о выдачах духовенства и православных мирян в СССР против их воли. Митрополит Лавр ещё пошутил, что мне надобно отправить телеграмму на «тот свет», и почившие священники мне всё сами расскажут. Многих из них он знал лично.

Затем была издана моя книга «На реках австрийских» — о духовенстве лагерей перемещённых лиц Парш и Келлерберг. Обитатели лагеря Парш — это и правые, и левые, и центристы, это знаменитый Н. Д. Тальберг, это самые различные эмигранты, даже бывшие большевики, бежавшие из СССР. А вот лагерь Келлерберг — фактически, по советской терминологии, белогвардейский лагерь. Здесь были воины Русского корпуса, которые в Югославии боролись против титовских партизан. Представьте, каково мне было писать об этих людях... Как русский человек, я им сочувствовал, потому что они были русские, православные и боролись за историческую Россию. Но, с другой стороны, они боролись против партизан, которые у нас считались героями. В любом случае, я полагаю, духовенство лагеря Келлерберг выполнило свою функцию. Офицеры, унтер-офицеры — это были достойнейшие люди, которые по-своему понимали служение России. Мы, как православные христиане, судить их не имеем права.

Недавно у меня вышла книга о епископе Нектарии (Концевиче), брате известного писателя И. М. Концевича, автора изданного труда «Оптина пустынь и её время». Будущий архипастырь монашествовал с юных лет, окормлялся у старца Нектария Оптинского, а затем у отца Адриана (Рымаренко), тоже будущего епископа и основателя Ново-Дивеевского монастыря под Нью-Йорком. Владыка Нектарий был известен не книгами, но духовничеством. Говорят, исповедоваться у него была одна радость... Был он сподвижником архиепископа Иоанна (Максимовича). Скончался в День святых новомучеников и исповедников Российских, в 1983 году. Всё это есть в моей книге. Информацию о жизни этого замечательного владыки удалось получить через моих заграничных корреспондентов, ведь он у нас совершенно неизвестен, да и заграницей известен мало. Владыка Нектарий почитал российских новомучеников и исповедников, многих из которых он лично знал при их

жизни и выступал за их прославление в Зарубежной Церкви.

— Как, с Вашей точки зрения, возможно сотрудничество светских и церковных исследователей. Может ли это взаимодействие быть плодотворным?

Институционально оформленное сотрудничество Церкви и светских вузов наметилось только в начале XXI века. Что касается возможностей, то, например, мои исследования состоялись благодаря поддержке декана факультета международных отношений профессора О. А. Колобова. Он никогда не отказывается быть редактором моих монографий, и для меня это очень много значит. Профессор Колобов был фактически единственным человеком, который понял и поддержал меня в избранной теме, и с этого начались мои исследования...

Предмет светской науки — это то, что можно, проще выражаясь, подержать, потрогать, это факты, это статистика. А предмет православного познания — это вера в то, что, может быть, и не нужно доказывать, во что люди просто верят. Возможны ли здесь точки пересечения? Возможны. Например, для изучения церковной жизни в XX веке актуален метод устной истории, основанный на воспоминаниях очевидцев, на свидетельствах об их вере. То, о чём я пишу в своих книгах, во многом опирается на эти свидетельства. Светская наука никогда не отказывалась от такого рода источников.

С какого-то момента нашего нового времени и церковные учёные оценили возможности светской науки. (Меня, в частности, с 2003 года стали приглашать в Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет). Это очень важно, иначе есть риск замкнуться в себе и разграничивать исследовательские области на «свои» и «чужие». Но духовенство идёт навстречу науке, и этот контакт многим церковным учёным открыл, что светское знание — то пространство, в котором можно и нужно говорить о Христе, несмотря на невозможность «измерять сантиметром» духовные явления. Но чтобы такое взаимодействие началось, кто-то должен сделать первый шаг. В нашей епархии этот шаг навстречу светскому знанию сделало именно духовенство, в частности митрополит Николай (Кутепов), коллектив Нижегородской Духовной семинарии. Всё началось с того, что светские учёные начали преподавать в семинарии — иностранные языки, другие предметы, учить работе с источниками, документами. Это взаимодействие активно поддерживает и владыка Георгий.

Не хочу обижать и представителей светской науки: университеты, вузы Нижнего Новгорода делают сейчас многое, чтобы сблизиться с Церковью. И всё же исторически первый шаг остался за духовенством. А затем возникла практика совместных чтений, конференций, студенческих встреч и других объединяющих мероприятий, в формате которых стало возможно общение светских и церковных учёных, студентов нижегородских вузов и воспитанников семинарии. Это очень важный и ценный опыт.

— Нужны ли светскому студенту религиозные знания, основанные не на религиоведческих позициях, а на богословском опыте Церкви?

Я убеждён, что светским студентам нужен ракурс и светского религиоведа, и православного священника. Почему нужно двойное воздействие? Наблюдение за студентами показывает, что среди них очень мало по-настоящему воцерковлённых людей, а большинство лишь слышали или что-то знают о православии, но пока стоят на пороге храма. В лучшем случае, они приходят в храм поставить свечку. Но эти молодые люди просто ещё не понимают того, что в действительности им может дать Церковь как мистическое Тело Христово. И поэтому не видят той духовной опасности, которая, возможно, нависает над ними, не осознают, что человек либо спасается, либо погибает. Учёный-религиовед, может быть, введёт в тему более доступно, широко, но он не сможет раскрыть того, что способен раскрыть православный священник. Священник обладает духовным опытом, регулярно совершает Таинство Евхаристии и, благодаря этому, может поведать студенту, молодому человеку то, о чём не скажет светский религиовед (к примеру, почему опасно начинать добрачную совместную жизнь, почему следует соблюдать пост и прочее). Я рад, что наступило время, когда мы можем писать книги о святых и говорить студентам о том, что Христос посреди нас.

— Александр Алексеевич, что Вы пожелаете студентам Нижегородской Духовной семинарии?

Что я могу сказать семинаристам? Знания, которые приобретают учащиеся духовной школы, будут сопровождать их всю жизнь, и поэтому не стоит ими бросаться и оставлять их. Нужно усердно учиться и глубоко познавать. Реальность, с которой они столкнутся после семинарии, может показаться им не просто сложной, а даже жестокой. Реальность оказывается подчас непреодолимой, и помочь преодолеть все обстоятельства может только вера, конечно. Пять лет пролетят быстро, и за это время веру необходимо сберечь и приумножить. В семинарии есть опытные преподаватели, есть духовенство, храм, то есть всё, что необходимо для приобретения и углубления веры. И у вас, слава Богу, очень хороший журнал! Мне он стал особенно дорог после того, как я посетил Лавру прп. Саввы Освященного, то место, где подвизался преподобный Иоанн Дамаскин. Радостно, что такой журнал выходит в нашем городе.

— Спасибо, уважаемый Александр Алексеевич, за интересный и обстоятельный рассказ и Ваши тёплые пожелания воспитанникам нашей нижегородской духовной школы.

Беседу вёл священник
Василий Спирин

На последней неделе августа в Нижегородской Духовной семинарии прошли вступительные экзамены. На очное отделение абитуриентами было подано 41 заявление. Юношам предстояло написать изложение по русскому языку, сдать экзамены по истории России, церковнославянскому языку и показать навыки церковного чтения и пения. Окончательное решение о поступлении принимала 25 августа комиссия во главе с ректором семинарии архиепископом Нижегородским и Арзамасским Георгием. По итогам собеседования с владыкой-ректором на I курс очного отделения семинарии поступило 30 человек, на II курс (после духовных училищ) – 2 человека, на заочный сектор – 9 человек.

Начало учебного года было открыто торжественным богослужением в семинарском храме в честь свт. Алексия Московского. Божественную литургию и молебен на начало учения отроков совершил архиепископ Георгий. В актовом зале семинарии состоялся торжественный акт по случаю 1 сентября, где владыка обратился к воспитанникам со словами напутствия, представил новых преподавателей и вручил первокурсникам Священное Писание.

Из записок несельского священника

Светает. Маленькие облачка тумана ещё лежат по ложбинкам и не хотят исчезать под лучами восходящего солнца. Наша машина движется по пустынной дороге, вьющейся между рядами стройных берёзок и устремившейся через поля и перелески на край света, где в забытой людьми, но не Богом деревеньке стоит одинокая церквушка и ждёт спешащего из города батюшку, а за ним и немногочисленных, окрест проживающих прихожан.

Аз, волею архиерейскою командированный священник, юноша-семинарист и молчаливый водитель, оставив позади ещё спящий мегаполис, направляемся туда, где господствуют тишина, мертвенный покой и провинциальная тоскливая убогость.

Деревушка с благодатным названием Дорофеево напоминает мне имя преподобного аввы, оставившего после себя богомудрые поучения, среди которых слова о смирении и послушании. Без обладания начатками сих добродетелей невозможно совершать служение в этой плачевной юдоли.

Церковь, как говорили в древние времена, — не в бревнах, а в ребрах, то есть в людях, составляющих церковную общину. «Рёбра» дорофеевского прихода — в основном, местные престарелые бабули, доживающие свой век в кладбищенской тишине и созерцании сельского пейзажа. Воскресная служба для них — возможность внести в своё однообразное бытие временное оживление, помолиться соборной молитвой, причаститься святых Христовых Тайн, помянуть живых и мёртвых, имена которых покоятся в чем-то похожих на своих хозяек затрёпанных синодиках, а также увидеться друг с другом, обсудить последние новости и, не без удовольствия, разделить совместную трапезу.

Проехав улочку с разбросанными по обе стороны, покосившимися и через один заброшенными домишками, подъезжаем к храму — скромно, но не без некоторого величия возвышающемуся над строениями и картофельным полем.

С противоположной стороны дороги, из-за поворота показывается другое транспортное средство — старенький автобус, доставивший из соседней деревни моих неутомимых молитвенниц. У храмовой ограды, точнее — у невысокого деревянного заборчика, стоят «отдыхающие» велосипеды и безмолвно сообщают, что батюшку уже терпеливо ждут собравшиеся богомольцы.

Осенив себя крестным знамением, открываю скрипучую дверь и окунаюсь в благодатное пространство Божиего хра-

ма, где ни скудость обстановки, ни простота и безыскусность икон, ни студёный воздух ещё не прогретого помещения не мешают чувствовать какого-то совершенно особого уюта, наполняющего душу благодатной радостью и ожиданием чуда предстоящей литургии.

Вот уже скоро полгода, как я приезжаю сюда в воскресные и праздничные дни совершать утреню и Божественную литургию, а также молебны, панихиды, нередко и Крещение. Многое здесь не похоже на то, к чему так привык в городском соборном храме. Порой появляется сильное желание что-то изменить, улучшить, переделать, как-то оживить эту вялотекущую приходскую жизнь, но потом начинаешь понимать, что за этой видимой скудостью и простотой скрывается нечто подлинно живое и очень близкое евангельскому духу. Особенно ясно это понимание приходит во время совершения Таинства исповеди, когда к тебе один за другим подходят люди, у многих из которых за плечами та далёкая и страшная война, тяжёлый сельский труд, потеря близких и многочисленные скорби. Они делятся с тобой своими переживаниями и сомнениями, каются во грехах и падениях. И в эти минуты чувствуешь, как эта простота и искренность, порой даже детская наивность, делает их близкими и своими Богу. Удивляешься ревности и верности немощных старушек, по бездорожью за семь, десять километров на велосипедах добирающихся до храма, чтобы здесь сотворить горячую молитву и прикоснуться к Божественной благодати.

Неспешно совершаю утреню. Клиросные бабули старательно выводят рулады одним им известных напевов. Безо всяких опущений на четырнадцать тропарей вычитывают канон, неимоверно растянуто и скрипуче пропевают великое славословие, наконец добираются до первого часа. В отличие от города, где все куда-то спешат, здесь торопиться не принято, тем более на службе. Медлительность — признак особого благочестия и показатель основательности.

Только около одиннадцати часов начинаю Божественную литургию. Значительное место в ней должно занимать велегласное поминовение — из заздравных и заупокойных записок. Звучат простые русские имена, за каждым из которых — человеческая жизнь. Неказистые листочки бумаги с именами — это письма Богу от земли на Небо, в них вложены чьи-то любовь и боль, вера и надежда, забота и беспокойство. И понимаешь, что их нужно прочитать все, ибо за твоей спиной стоят люди и ждут, когда «письма» будут отправлены по адресу, и твёрдо верят в силу церковной молитвы.

Наступают минуты евхаристического канона, и приходит ясное ощущение

величия тайны, совершаемой в убогой простоте деревенского храма. Христос, не возгнушавшийся вифлеемских яслей, не знавший, где приклонить главу, не носивший богатых одежд и вкушавший простую пищу, смиренно приходит и ныне к труждающимся и обремененным, мытарям и грешникам XXI века, и протягивает им Свою спасающую десницу.

В окно алтаря сквозь листву берёзы проникают играющие лучи солнца, с улицы доносится пение петуха и голоса детишек, привезённых к причастию, птицы щебечут как будто совсем рядом, а я, поднимая Дары над престолом, с особым внутренним трепетом возглашаю: «Твоя от Твоих, Тебе приносяще, о всех и за вся», и всё окружающее вовлекается в эту искупительную тайну Божией Любви и участвует в ней.

Заканчивается литургия. В теле ощущается усталость, а на душе почивает тихая, покойная радость. Все гуськом подходят ко кресту, и я вижу перед собой людей с просветлёнными лицами и теплотой в глазах. Они приходили сюда не зря. Бог не оставил Своих детей.

Потребив Святые Дары, прочитав благодарственные молитвы и разоблачившись, выхожу из алтаря в опустевший храм. Кто-то ещё суетится у подсвечника, кто-то тушит лампады, староста за прилавком подсчитывает небогатую выручку.

Ещё одна служба в истории этого храма ушла в прошлое. Сколько эти стены будут слышать людские молитвы, знает один Бог. Человеку же порой кажется, что масло в лампаде совсем оскудевает и вот-вот воцарится тьма, но невидимая десница Божия вливает новый елей, и огонь молитвы вновь освещает пространство храма и глубины человеческой души.

...Обратный путь как будто короче. Снова мелькают стройные берёзки, солнце клонится к закату, оставляя на земле длинные тени. Пересекаем незримую границу двух миров — тихой провинции и бурлящего города. Они так не похожи друг на друга, но в том и другом мире есть точки соприкосновения, где Небо сходится с землёй и где божий иерей снова и снова должен совершать премирное Таинство святой Евхаристии, чтобы чья-то жизнь, однажды начавшаяся здесь, могла устремиться в вечность.

П.А.М.

Редакционная колонка

1 Слово главного редактора

Живой опыт в живых словах

2 Верность Богу и служение Отечеству

4 В армию — не изменяя Христу

6 Всё зависит от состояния души

9 Главное — остаться человеком

10 Духовная жизнь в армейских условиях

11 Из истории военного духовенства

14 «Молитесь Богу — Он ваш генерал!» Церковь и армия на путях соработничества

Перо в руках семинариста

18 Новое варварство. К вопросу о полемике с «непротивленчеством»

Овцы и пастыри

22 «Слава Богу за всё»

События жизни духовной школы

25 Одиннадцатый выпуск студентов Нижегородской Духовной семинарии

25 Конференция «Наследие преподобного Серафима Саровского и судьбы России»

33 Международный студенческий лагерь «Славянское содружество»

47 VII Московский летний богословский институт

52 Вступительные экзамены и начало учебного года в Духовной школе

Из архива митрополита Николая (Кутепова)

26 Встречи митрополита Николая и Патриарха Алексия II

Начала премудрости

30 Зачем нужна апологетика?

Вера от слышания

34 «От Господа пути человеку исправляются» Интервью с Высокопреосвященнейшим Игнатием, архиепископом Петропавловским и Камчатским

От лет древних

39 Архимандрит Пётр (Каменский) — начальник X Российской Духовной миссии в Пекине

В гостях у «Дамаскина»

48 «Наука — это пространство, в котором нужно говорить о Христе» Интервью с профессором А.А. Корниловым

Литературные страницы

53 Из записок несельского священника

Студенческий православный журнал Нижегородской Духовной семинарии

Дамаскин

№3 (8) сентябрь 2008 года

ДИПЛОМ

лауреата премии
"Обретенное поколени

вручается

Нижегородской духовной семина

за труды по духовно-нравственному
воспитанию и просвещению молодежи

ПАТРИАРХ МОСКОВСКИЙ
И ВСЕЯ РУСИ

МЭР ГОРОДА МОСКВЫ
Ю. М. ЛУЖКОВ

Нижегородская Духовная Семинария
Иоанн Дамаскин — наш святой покровитель
наш новый сайт
находится по адресу:
http://seminary.nne.ru